

ГЛАВА XI

ЭПОХА МОНГОЛЬСКОГО ЛУКА

11.1. ПОЯВЛЕНИЕ МОНГОЛЬСКОГО ЛУКА

Переходя к рассмотрению волны монгольских завоеваний, необходимо прежде всего установить ее причины, указать на то фундаментальное открытие, которое играло в этом определяющую роль. Нет сомнения, что монголы обладали военным превосходством над своими противниками, но каковы были масштабы этого превосходства? Приведем один пример. В сентябре 1211 г. монголы встретились в битве у крепости Хуйхэпху с армией могущественной империи Цзинь. Как отмечалось выше, это была регулярная армия, состоявшая из профессиональных воинов-латников, которые использовали тактику таранных атак. По китайским источникам, численность цзиньской армии составляла около 400 тыс. солдат — это были лучшие войска, собранные со всей огромной империи¹. Монголов было не более 100 тыс., тем не менее цзиньская армия была наголову разбита и практически уничтожена. «Пошло такое истребление, что кости трещали, словно сухие сучья», — говорит «Сокровенное сказание». Убитых было столько, что «степи стали издавать зловоние»².

Военное превосходство монголов было колоссальным, но чем оно объяснялось? Историки по-разному объясняют причины монгольских побед: одни говорят о талантах монгольских полководцев, о маневренной тактике, другие — о жесткой дисциплине, о четкой военной организации. Однако известно, что монголы заимствовали свою тактику и организацию у Цзинь и побежденной ею импе-

¹ Воробьев М. В. Чжурчжени и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). М., 1975. С. 126, 196, 198; Кычанов Е. И. Чжурчжени в XI веке // Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966. С. 277–278; Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). М., 1975. С. 72.

² Козин С. А. Сокровенное сказание. Т. I. М. — Л., 1941. С. 179.

рии Ляо³, что в сотнях битв на протяжении XIII в. монголами командовали разные (и не всегда талантливые) полководцы, тем не менее они почти всегда побеждали. Так в чем же заключалась причина этих побед? Ответ на этот вопрос был одной из задач посольства, направленного римским папой ко двору монгольского хана. Возглавлявший это посольство ученый монах Плано Карпини оставил подробное описание оружия и тактики монголов.

«Оружие же все по меньшей мере должны иметь такое, — писал Плано Карпини, — два или три лука, или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полных стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые... Некоторые имеют латы... Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча... Надо знать, что всякий раз, как они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не могут их победить, то отступают вспять к своим; и они это делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду...». Плано Карпини акцентирует внимание на стрелковом вооружении и стрелковой тактике монголов: «...Надо знать, что если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в бой, но ранят или убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой». В заключение посол дает рекомендации о том, как противостоять татарам: нужно иметь хорошие луки и закаливать стрелы, как это делают монголы, а чтобы уберечься от монгольских стрел, нужно иметь двойные латы⁴.

С выводами Плано Карпини перекликается свидетельство армянского царевича Гайтона. «С ними очень опасно начинать бой, — рассказывал Гайтон в 1307 г., — так как даже в небольших стычках с ними так много убитых и раненых, как у других в больших сражениях. Это является следствием их ловкости в стрельбе из лука, так как их стрелы пробивают все виды защитных средств и панцирей... В сражениях в случае неудачи отступают они в организованном по-

³ Ларичев В. Е., Тюмина Л. В. Военное дело у киданей (по сведениям из «Ляоши») // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск. 1975. С. 112; Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1973. С. 81.

⁴ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 50–53, 62.

рядке, преследовать их, однако, очень опасно, так как они поворачиваются назад и умело стреляют во время бегства и ранят бойцов и лошадей. Как только видят они, что противник при преследовании рассеян и его ряды пришли в беспорядок, поворачивают они опять против него и таким образом достигают победы»⁵.

«В битвах с врагом берут они верх вот как, — свидетельствует Марко Поло, — убегать от врагов не стыдятся; убегая, поворачиваются и стреляют из лука. Коней своих приучили, как собак, ворочаться во все стороны. Когда их гонят, на бегу дерутся славно да сильно, так же точно, как бы стояли лицом к лицу с врагом; бежит и назад поворачивается, стреляет метко, бьет и вражеских коней и людей, а враг думает, что они расстроены и побеждены, а сам проигрывает, оттого что и кони у него перестреляны, да и людей изрядно перебито. Татары, как увидят, что перебили и вражских коней, и людей много, поворачивают назад и бьются славно, храбро, разоряют и побеждают врага. Вот так-то они побеждали во многих битвах и покоряли многие народы»⁶.

В «Великой хронике» Матфея Парижского многократно повторяются свидетельства разных авторов о том, что монголы «несравненные лучники», «удивительные лучники», «отличные лучники». Один из венгерских епископов подчеркивает, что монголы более искусные лучники, чем венгры и половцы, и что «луки у них более мощные»⁷. Фома Сплитский, описывая осаду Пешта, свидетельствует, что «смертоносные татарские стрелы разили наверняка. И не было такого панциря, щита или шлема, который не был бы пробит...»⁸. «Говорят, что стреляют они дальше, чем другие народы, — писал венгерский монах Юлиан. — При первом столкновении на войне стрелы у них, как говорят, не летят, а ливнем льются. Мечами и копьями, они, по слухам, бьются менее искусно»⁹.

Таким образом, свидетельства источников сходятся на том, что монголы уклонялись от ближнего боя, что они были сильны главным образом в стрелковом бою. Монголы были прекрасными лучниками, они выпускали тучи стрел, которые летели дальше, чем у дру-

⁵ Цит. по: Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Л., 1971. С. 78.

⁶ Поло Марко. Путешествие. Л., 1940. С. 65.

⁷ Матфей Парижский. Великая Хроника // Русский разлив. Арабески истории. Мир Льва Гумилева. М., 1997. С. 268, 270, 277, 283, 287.

⁸ Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. М., 1997. С. III.

⁹ Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV веков о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. 1940. Т. III. С. 87.

гих народов, и ударяли с такой силой, что убивали лошадей и пробивали доспехи всадников. Монголы обладали необычно мощными луками, которые к тому же позволяли поддерживать высокий темп стрельбы, — такой вывод следует из свидетельств современников.

Обратимся теперь к свидетельствам археологии. Вторая половина XX в. ознаменовалась рядом выдающихся открытий российских археологов; благодаря исследованиям А. П. Окладникова, Г. В. Киселева, В. Е. Медведева, Н. Я. Мерперта, Д. Г. Савинова, Л. Р. Кызласова, Е. М. Хамзиной, Ю. С. Худякова и ряда других специалистов была воссоздана картина развития средневековых культур кочевников Центральной Азии и Дальнего Востока. Одним из результатов этих исследований было получение данных о появлении в период, непосредственно предшествующий началу монгольских завоеваний, нового типа лука. В основе луков, распространенных в Великой степи ранее, в I тыс. до н. э., лежал лук, некогда созданный племенами хунну. Это был лук с боковыми костяными накладками, которые фиксировали жесткие зоны деревянной основы лука (кибити). Поскольку эти зоны не участвовали в создании рефлекторного усилия, то лук хуннского типа имел большие размеры — порядка 160 см. В I—V вв. однотипные гуннские луки господствовали на широких просторах степей от Амура до Дуная, но затем на основе этой конструкции появилось множество новых вариантов. В степи начался процесс поиска новых технических решений, и к началу II тысячелетия многие народы имели несколько разных типов лука, так что луки разных типов иногда можно было встретить в одном захоронении¹⁰. Среди этого многообразия встречались и отдельные прототипы позднейшего монгольского лука, однако, как доказывает Д. Г. Савинов, «лука универсального типа, обычно называемого монгольским, в то время еще не было»¹¹. Отбор новых конструкций продолжался вплоть до XII в., когда вместе с монголами на арену истории вышел монгольский лук. Этот лук отличался от хуннского лука тем, что имел не боковые, а одну фронтальную костяную накладку, игравшую принципиально иную роль: она не лишала участок кибити упругости, а, наоборот, увеличивала упру-

¹⁰ Худяков Ю. С. Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. 1993. С. 121, 140, 142.

¹¹ Савинов Д. Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск. 1981. С. 155, 161.

гость, добавляя к рефлекторному усилию деревянной основы усилие расположенной по центру лука костяной пластины. Костяная пластина имеет максимальный предел прочности примерно вдвое больше, чем древесина (около 13 кг/мм²), и, соответственно, распрямляясь, создает вдвое большее усилие. При небольших размерах (около 120 см) монгольский лук обладал большой мощностью, и эту мощь можно было при желании увеличить, добавляя костяные накладки на плечи лука. Кроме того, по сравнению с другими луками монгольский лук был более гибким, и тетива оттягивалась на большее расстояние, поэтому она оказывала на стрелу более длительное воздействие и сообщала ей больший импульс¹².

По данным китайских источников, сила натяжения монгольского лука составляла не менее 10 доу (66 кг), что по крайней мере в полтора раза превышало мощность цзиньских луков (7 доу, или 46 кг)¹³. Х. Мартин определяет силу монгольских луков в 166 фунтов (75 кг) и отмечает, что они не уступали знаменитым английским лукам, погубившим французское рыцарство в битвах при Креси и Пуатье¹⁴. Н. Н. Крадин также отмечает превосходство монгольских луков над европейскими¹⁵. Ю. Чамберс оценивает силу монгольских луков в 46–73 кг, а английских — в 34 кг¹⁶. После английских луков самыми мощными луками в Европе были венгерские, это были луки гуннского типа, и их натяжение оценивается специалистами в 32 кг, напомним, что эти луки противостояли монгольским в битве при Шайо, которая закончилась страшным разгромом венгров¹⁷. Луки

¹² Немеров В. Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв. // Советская археология. 1987. № 2. С. 214–215; Макьюэн Э., Миллер., Бергман А. Конструкция и изготовление древних луков // В мире науки. Scientific American. 1991. № 8. С. 46; Chambers J. The Devil's Horsemen: The Mongol Invasion of Europe. N. Y., 1974. P. 55–57.

¹³ Мэн-да бэй лу... С. 7; Кычанов Е. И. Чжурчжени в XI в. С. 277; Шавкунов В. Э. К вопросу о луке чжурчженей // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск. 1987. С. 200.

¹⁴ Martin H. D. The Rise of Chigis Khan and His Conquest of North China. Baltimore. 1950. P. 195.

¹⁵ Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингисхана. М., 2006. С. 420.

¹⁶ Chambers J. Op. cit. P. 57.

¹⁷ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы и самострел) VIII–XIV вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Е1–36. М., 1968. С. 34; Szabó C. A Brief Historical Overview of Hungarian Archery // http://www.atarn.org/magyar/magyar_1.htm.

среднеазиатских тюрок X в. также были гуннского типа с максимальным натяжением в 100 ратлей (32 кг)¹⁸.

Небольшие размеры монгольского лука делали его удобным для конного лучника; это позволяло точнее прицеливаться и вести стрельбу в высоком темпе — до 10–12 выстрелов в минуту. Ю. С. Худяков сравнивает военный эффект появления монгольского лука с эффектом другого фундаментального открытия — появления автоматического оружия в XX в. Скорострельность монгольского лука имела не меньшее значение, чем его мощность, она позволяла монгольским воинам сокращать дистанцию боя, давала им уверенность в том, что противник не устоит перед «ливнем стрел»¹⁹.

Новому луку соответствовал новый господствующий тип стрел. В монгольское время получили преобладание стрелы с плоскими наконечниками в форме лопатки или трилистника — так называемые срезни. Плоские наконечники летели с большей скоростью, чем трехлопастные, и в колчан входило большее количество плоских стрел, нежели трехлопастных. Большинство плоских стрел имело ширину пера до 25 мм и вес до 15 граммов, они не очень отличались по весу от наконечников, применявшихся прежде. Однако наряду с обычными срезнями довольно часто встречались огромные наконечники длиной до 15 см, шириной пера в 5 см и весом до 40 граммов. При обычном соотношении веса наконечника и стрелы (1 : 5, 1 : 7) стрела с таким наконечником должна была весить 200–280 граммов. Тяжелые стрелы были еще одним свидетельством мощи монгольского лука, они обладали огромной убойной силой и предназначались для поражения лошадей²⁰.

Согласно Ю. Чамберсу, дальность стрельбы из монгольского лука достигала 320 м, а дальность английского лука — 230 м²¹. В Эр-

¹⁸ Paterson W. F. The Archers of Islam // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, 1966. Vol. 9. P. 83.

¹⁹ Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1997. С. 124; Chambers J. Op. cit. P. 57.

²⁰ Медведев А. Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // *Советская археология*, 1966. № 2. С. 55; Киселев Г. В., Мерперт Н. Я. Железные и чугунные изделия из Кара-Корума // *Древнемонгольские города*. М., 1965. С. 192–193; Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие... С. 52, 73, 75; Худяков Ю. С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. С. 122–123.

²¹ Chambers J. Op. cit. P. 55–57.

митаже хранится каменная стела, найденная в 1818 г. близ Нерчинска; надпись на этой стеле говорит о том, что когда в 1226 г. Чингисхан устроил праздник по поводу одной из своих побед, победитель в соревновании стрелков Есугей Мерген пустил стрелу на 335 алда (538 м)²². Однако на таком расстоянии было практически невозможно попасть в цель, и прицельная дальность стрельбы из лука монгольского типа была гораздо меньше, она составляла 160–190 м. Впрочем, В. Патерсон подчеркивал, что реальное преимущество более мощного лука состоит не в его дальнобойности, а в том, что он позволяет использовать более мощную стрелу, позволяющую пробивать доспехи²³. Стрела татарского лука XVI в. на расстоянии 200 м убивала лошадь или пробивала кольчугу навывлет²⁴. По мощи лук не уступал аркебузам, а по скорострельности намного превосходил их, однако научиться стрелять из лука было намного сложнее, чем научиться стрелять из аркебузы. Современные спортивные луки имеют силу натяжения «всего лишь» 23 кг, но стрельба из них требует хорошей физической подготовки, и даже спортсмену не просто выпустить за день соревнований около сотни стрел²⁵. Луки монгольского типа требовали необычайно сильных рук, император Фридрих II особо отмечал, что у монголов «руки сильнее, чем у других людей», потому что они постоянно пользуются луком²⁶. Плано Карпини свидетельствует, что монголы с трехлетнего возраста учили своих детей стрелять из лука, постепенно увеличивая его размеры²⁷. Таким образом они наращивали мускулатуру рук и отработывали механизм стрельбы на уровне условных рефлексов. В принципе, обучение стрельбе из лука с раннего детства было характерно для кочевых народов со времен гуннов, но дело в том, что более мощный лук требовал от стрелка особых физических и психологических качеств и должно было пройти немало времени, прежде чем монголы освоили новое оружие. Воинам других народов было чрез-

²² McLeod W. The Range of the Ancient Bow // Phoenix. 1965. Vol. 19, №. 1. P. 9; Lhagvasuren G. The stele of Chinggis Khan // http://www.atarn.org/mongolian/mongol_1.htm

²³ Paterson W. F. Op. cit. P. 83.

²⁴ McLeod W. Op. cit. P. 13; Измайлов И. В блеске мисюрок и бехтерцов // Родина, 1997. № 3–4. С. 106.

²⁵ Пастухов Н. П., Плотников С. Е. Рассказы о стрелковом оружии. М., 1983. С. 7–8.

²⁶ Матфей Парижский. Великая Хроника...

²⁷ Путешествие в восточные страны... С. 36.

вычайно трудно, а иногда и невозможно научиться хорошо стрелять из монгольского лука, даже если бы он достался им в качестве трофея. Писавший в XV в. арабский автор наставления по стрельбе из лука отмечал, что в его время (спустя столетие после падения монгольского владычества в Персии) многие секреты стрельбы были уже утеряны²⁸.

Еще сложнее было наладить производство луков монгольского типа. Изготовление сложносоставных луков требовало большого мастерства. Слои дерева, костяные накладки и сухожилия склеивали под сильным прессом, после чего лук подвергался длительной просушке, иногда в течение нескольких лет. Окончание изготовления лука сопровождалось специальными церемониями. Мастера по изготовлению луков пользовались большим уважением, и даже великий хан оказывал им почести. Высоко ценя (и даже почитая) свои луки, монголы, естественно, стремились уберечь их от непогоды; для этого использовалось налучье, которое вместе с колчаном называлось «сагайдак»²⁹.

Монгольский лук перенимался другими народами в составе комплекса культурных элементов, определявших культурный круг. Остановимся прежде всего на тех элементах, которые были связаны с вооружением. Новое оружие требовало применения тактики, которая обеспечила бы использование всех его преимуществ. Как отмечалось выше, это была тактика уклонения от ближнего боя, обстрел противника из луков, который мог продолжаться несколько дней. Монгольская легкая кавалерия мчалась вдоль фронта противника, поливая его дождем стрел; если же противник переходил в атаку, то она обращалась в мнимое бегство, но во время этого «бегства» лучники, обернувшись назад, расстреливали своих преследователей и их лошадей. Мощный лук и массивные стрелы позволяли убивать лошадей, и, действительно, цитированные выше источники свидетельствуют, что поражение лошадей было едва ли не главным элементом этой тактики. Если же противник упорно держался на своей укрепленной позиции, то в атаку шел полк «мэнгэдэй» — это название означает «принадлежащие богу», т. е. «смертники». Задача «мэнгэдэй» состояла в том, чтобы (возможно, ценой больших потерь) завязать ближний бой, а затем симулировать бегство

²⁸ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие... С. 14, 31, 32.

²⁹ Ермолов Л. Б. Сложносоставной монгольский лук // Сборник музея антропологии и этнографии. 1987. Вып. XLI. С. 153, 154; Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб., 1994. С. 22.

и все-таки вынудить противника преследовать лучников. Когда в ходе длительного преследования противник оказывался ослаблен потерями и расстраивал свои ряды, он подвергался внезапному фланговому удару «засадного полка»³⁰. Как свидетельствует «Сокровенное сказание», именно таким образом была одержана решающая победа в битве при Хуйхэпху³¹. Нужно отметить, однако, что сама по себе тактика «мэнгэдэй» была не новой, ее использовали гунны, скифы и многие другие степные народы, классическим примером применения этой тактики является победа тюрок над византийцами при Манцикерте (1071 г.). Преимущество монголов заключалось лишь в том, что новые луки позволили им применять эту старую тактику с большим успехом³².

Полное преобладание у монголов стрелковой тактики еще более оттеняется тем обстоятельством, что, по свидетельству Платона Карпини, лишь богатые воины имели мечи или сабли. Сабля была оружием противников монголов, тюрок, и со временем она распространилась среди монголов, но это распространение было довольно медленным. Археологи отмечают, что сабли были обнаружены лишь в двух (самых богатых) среднеазиатских захоронениях XIII–XIV вв., а на Саяно-Алтае их вовсе не найдено³³. Монгольский лук в конечном счете оказался эффективнее тюркской сабли. Хотя сабельная тактика египетских мамлюков дала им победу в битве при Айн-Джалуте, в других сражениях мамлюки терпели поражения. Так, по свидетельству армянского историка Нерсеса Палиенца, в большой битве при Джебель-ас-Салихийе в Сирии сражалось 50-тысячное монгольское войско под предводительством самого владыки Ирана Газан-хана, и при этом у монголов «*кроме стрел, не было ничего другого*». Египетский султан Насер рассчитывал без труда одолеть монголов в ближнем бою, когда они израсходуют свои стрелы. Однако «затемнилось солнце от них, а люди остались в тени от густоты стрел. Этими стрелами войско султана было разбито и обращено в бегство»³⁴. Отсутствие сабель и тяжелого вооружения тем более показательны, что битва происходила в 1300 г., в период, ког-

³⁰ Chambers J. Op. cit. P. 64–66.

³¹ Козин С. А. Сокровенное сказание... С. 179.

³² Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 225.

³³ Могильников В. А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 196.

³⁴ Армянские источники о монголах. М., 1962. С. 98–99.

да господствовавшие над Ираном монголы получали более чем достаточное количество оружия от иранских ремесленников.

У подавляющего большинства монгольских воинов не было железных доспехов. Приводя ряд свидетельств такого рода, А. Н. Кирпичников отмечает, что монголы испытывали хронический недостаток защитных доспехов, которые обычно добывались в качестве трофеев или изготавливались пленными мастерами³⁵. Археологические данные подтверждают этот вывод: при раскопках в Монголии было обнаружено очень малое число бронебойных стрел; и это дает специалистам основание утверждать, что монгольское войско составляли в подавляющем большинстве легковооруженные лучники. Это особенно контрастирует с тяжелым вооружением главных противников монголов — воинов Цзинь (чжурчженей) и прежних, домонгольских, властителей степей киданей³⁶. По-видимому, в данном случае имел место сознательный отказ части воинов от тяжелого вооружения, который объясняется тем, что тогдашние доспехи все равно не могли защитить от стрел, выпущенных из монгольского лука. Эффект появления нового лука был таким же, как эффект появления огнестрельного оружия: он заставил большинство воинов снять доспехи. Тяжелое вооружение стесняло движения лучников и уменьшало скорострельность стрельбы. Кроме того, для удобства стрельбы монгольские лучники использовали короткие стремена: привстав в стременах, лучник мог отчасти стабилизировать качку и точнее целиться. Однако короткие стремена делали всадника неустойчивым в седле и затрудняли ведение ближнего боя. Монголы вступали в ближний бой лишь тогда, когда противники были изранены стрелами и исход сражения был практически решен; эту последнюю атаку проводили сравнительно немногочисленные отряды тяжелой конницы³⁷.

Характерно так же и то, что действия монгольской тяжелой конницы не обратили на себя внимания современников, и источники не сохранили их описания. До сих пор отсутствуют находки монгольских ударных копий, шпор, специальных седел с упором и дру-

³⁵ Кирпичников А. Н. К оценке военного дела средневековой Руси // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989. С. 186; Киселев Г. В., Мерперт Н. Я. Указ. соч. С. 199.

³⁶ Худяков Ю. С. Вооружение центрально-азиатских кочевников... С. 147, 148; Горелик М. В. Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 169.

³⁷ Ostrowski D. Muskovy and the Mongols... P. 51.

гих специфических приспособлений для таранных ударов³⁸. Защитное вооружение монгольских воинов было подробно изучено М. В. Гореликом³⁹. Лучники носили легкий стеганный панцирь из кожи, войлока или толстой ткани, такой панцирь по-монгольски назывался «хатангу дегель» — «твердый халат». Тяжеловооруженные всадники были облачены в пластинчатые панцири; металлические пластины крепились на ремешках, поэтому панцири назывались «худесуту хуяг» — «пронизанный, прошитый (ремнями) панцирь». Другой вид панцирей («бехтер») представлял из себя кольчугу, усиленную на груди и на спине металлическими пластинами, иногда вместо нескольких пластин для усиления кольчуги использовалось круглое железное «зеркало» (такой доспех на Руси называли «зерцалом»)⁴⁰. А. Бобров доказывает, что защитное вооружение было большей частью заимствовано монголами у их главных противников чжурчженей в ходе ожесточенных войн начала XIII в.; что же касается собственно чжурчженских доспехов, то они лишь незначительно отличались от доспехов киданей и китайцев⁴¹. Таким образом, в области тяжелого вооружения монголы не создали ничего принципиально нового. Победы монголов приписывались мастерству конных лучников, а в ближнем бою, как свидетельствует Юлиан, монголы были «менее искусны»⁴².

«Монгольские полководцы стремились к решительному столкновению с противником, — пишет Ю. С. Худяков. — Вера в свою непобедимость была столь велика, что они вступали в бой с превосходящими силами противника, стараясь подавить его сопротивление массовой стрельбой. Однако в ближнем бою, если противник проявлял стойкость, их возможности были ограничены. Поэтому монголы старались разъединить силы врага, применяя раз-

³⁸ Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М., 2004. С. 202.

³⁹ Горелик М. В. Ранний монгольский доспех...; Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.

⁴⁰ Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение... С. 248; Худяков Ю. С. Вооружение центрально-азиатских кочевников... С. 148.

⁴¹ Бобров А. Латники Золотой империи... С. 52, 54.

⁴² Горелик М. В. Ранний монгольский доспех... С. 200; Худяков Ю. С., Соловьев А. И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 158–159; Бранденбург Н. О влиянии монгольского владычества на древнее русское вооружение // Оружейный сборник, 1871. № 3. Отд. 2. С. 53.

личные уловки»⁴³. Таким образом, тактика монголов была в основном стрелковой, но эффективность стрельбы была столь велика, что Р.П. Храпачевский сравнивает ее с огневой мощью регулярных армий нового времени. Р.П. Храпачевский и Ю.С. Худяков полагают, что лишь развитие огнестрельного оружия положило предел господству конных лучников⁴⁴.

Как отмечалось выше, главным доказательством фундаментального характера военной инновации является ее перенимание другими народами. «Повсеместное распространение и заимствование монгольского оружия в кочевом мире в XIII–XIV вв. наглядно свидетельствует о его большой эффективности», — отмечает Ю.С. Худяков⁴⁵. Процесс перенимания монгольского оружия на Ближнем Востоке достаточно подробно освещен источниками. Рашид-ад-дин свидетельствует, что в Персии оружие для армии ильханов изготовлялось в организованных монголами больших государственных мастерских «кархана». В этих мастерских работали преимущественно местные ремесленники, обращенные во время завоевания в рабов; оружие делалось «по монгольскому обычаю» и при участии монгольских мастеров, причем, перечисляя специальности ремесленников, персидский историк упоминает в порядке очередности лучников, изготовителей стрел, колчанов, сабель, а остальных зачисляет в ряд «прочих». К началу XIV в. производство монгольского оружия было освоено свободными ремесленниками, работавшими вне кархана. «Прежде не было ремесленников, которые умели бы изготовлять оружие по монгольскому обычаю, а теперь большинство ремесленников на базарах научилось», — писал Рашид-ад-дин⁴⁶. Таким образом, в Персии образовался центр производства монгольского оружия, которое стало достоянием всего Ближнего Востока. Распространение монгольского оружия облегчалось тем, что большинство воинов армии ильханов составляли тюрки, и, вооружив эту армию, монголы сами снабдили тюрков (и арабов) новым оружием и научили обращению с ним. Тюрки были военным сословием во всех государствах Ближнего Востока, а также в Египте, в Средней Азии и в Индии; таким образом, принесенные монголами образцы оружия могли свободно распространяться в тюркской военной среде по все-

⁴³ Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири... С. 136.

⁴⁴ Храпачевский Р.П. Военная держава... С. 198; Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири... С. 137.

⁴⁵ Худяков Ю. С. Вооружение центрально-азиатских кочевников... С. 154.

⁴⁶ Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. III. М. — Л., 1946. С. 301–302.

му обширному региону. Естественно, что, попав к тюркам и арабам, монгольский лук описывался исследователями как «турецкий» или «арабский», но все это был один и тот же рефлексирующий лук, господствовавший как на Ближнем Востоке, так и на Руси. «Сравнение составных частей сложных русских луков с составными частями, подробно перечисленными в арабском трактате XV в., — отмечал А. Ф. Медведев, — как и памятники изобразительного искусства, свидетельствует, что и арабские, и русские, и турецкие луки Средневековья изготовлялись по совершенно аналогичному принципу, имели в своем составе сходные детали из сходных материалов и даже по внешнему виду и размерам были похожи друг на друга»⁴⁷.

О заимствовании монгольского оружия говорит и перенимание соответствующей терминологии. В этом смысле весьма характерно наличие монгольских слов в русском языке: монгольские термины приходили в русский язык из тюркских языков, поэтому принятие русскими того или иного монгольского термина означало, что он принят на всем пространстве от Монголии до Руси, а также и там, где обитали тюрки, т. е. на Ближнем Востоке и в Средней Азии. Прежде всего перенималась терминология, связанная с луком. Славянское слово «тул» было вытеснено монгольским словом «колчан». Лук в комплекте с колчаном и налучьем стал называться «сагайдаком» или «саадаком», чехол для колчана — «тохтуем». Большие стрелы (характерные для монголов) назывались на Руси «джид», другая разновидность стрел — «томары». Перенималось и оборонительное оружие. Легкий стеганный доспех лучников на Руси назывался «тигиляй» (от монгольского «дегель»), тяжелый пластинчатый доспех — «кюяк» («хуяг»), усиленная кольчуга — «бехтерец» («бехтер») ⁴⁸.

Монгольские доспехи перенимались народами, как оружие победителей, но в то же время необходимо отметить, что оборонительное оружие перенималось медленнее, чем лук и стрелы. Основная масса кочевников Восточной Европы осталась верна своему старому доспеху, кольчуге; в погребениях кипчаков кольчуга встречается в десять раз чаще, чем пластинчатые доспехи монгольского типа ⁴⁹.

Говоря о распространении монгольского оружия, необходимо упомянуть также и о порохе. Порох был китайским изобретением

⁴⁷ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие... С. 13.

⁴⁸ Бранденбург Н. О влиянии монгольского владычества на древнее русское вооружение // Оружейный сборник, 1871. № 3. Отд. 2. С. 50, 53, 55; № 4. Отд. 2. С. 76–78.

⁴⁹ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 35.

(«хо яо»), и ко времени монгольского завоевания метаемые баллистами пороховые гранаты «хо пао» широко использовались в армии Цзинь. Но баллисты были слишком тяжелы для применения в полевых сражениях, и «хо пао» применялись почти исключительно при осаде городов — на этой стадии своего развития пороховое оружие еще не обеспечивало победу в войнах. Тем не менее монголы быстро заимствовали эти гранаты и применяли их при осаде городов в Китае и на Ближнем Востоке. С этого времени порох становится широко известен, рецепт его изготовления приводится в книгах арабского писателя XIII в. Гассана Аль-фамаха и византийца Максима Грека. Пороховые гранаты использовались воинами Золотой Орды: их находки известны во многих городах Поволжья. Порох был известен и на Руси, где его называли «огненным зельем» — это название представляет собой буквальный перевод китайских иероглифов «хо яо»⁵⁰.

Вслед за вооружением заимствовалась военная организация и тактика. Десятичная организация, жесткая военная иерархия и суровая дисциплина не были изобретением монголов. «Многое из того, что нередко приписывается исключительно гениальности Чингисхана, — отмечает Н. Н. Крадин, — на самом деле было лишь повторением... того, что уже случалось в истории Халха-Монголии на 1400 лет раньше»⁵¹. Деление войска на десятки, сотни, тысячи было заимствовано монголами у киданей и Цзинь, а затем было введено ими во всех завоеванных странах. В. В. Бартольд писал, что военное устройство тюрок XV в. было «наследием империи Чинхисхана»⁵².

11.2. СОЗДАНИЕ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Монгольские завоевания охватили большую часть Евразии, и их хронология хорошо известна. В 1206 г. после долгих войн хан монголов Тэмуджин объединил племена восточной части Великой степи и был провозглашен Чингисханом. Новому хану потребовалось не-

⁵⁰ Арендт В. Где и когда был изобретен порох? // Искры науки, 1928. № 12. С. 453; Школяр С. А. Китайская доогнестрельная артиллерия (материалы и исследования). М., 1980. С. 161, 162, 178; Недашковский Л. Ф. Золотоордынский город Увек и его округа. М., 2000. С. 76.

⁵¹ Крадин Н. Н. Империя хунну. М., 2001. С. 60.

⁵² Бартольд В. В. Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 179; Мэн-да бэй лу... С. 77; Кычанов Е. И. Чжурчжени в XI в. С. 278.

сколько лет на создание эффективной военно-административной системы: по образцу империи Цзинь войско и народ были разделены на десятки, связанные круговой порукой, был оглашен кодекс законов («Яса»), направленных не на поддержание суровой военной дисциплины. Суровая государственная дисциплина, восходящая к древней легистской традиции, уничтожение влияния племенной знати и возвышение по заслугам — это была та важнейшая черта, которая отличала монголов Чингисхана от тюрок феодальной эпохи.

Поход против Цзинь начался в 1211 г., и за десять лет жестокой войны монголы завоевали большую часть Северного Китая. В 1219–1224 гг. была завоевана Средняя Азия; затем возобновились военные действия против Цзинь, закончившиеся в 1234 г. гибелью северокитайской империи. В 1229–1237 гг. были подчинены тюркские племена западной части Великой степи, кипчаки и болгары, а 1237–1241 гг. — русские княжества. В 1241 г. монголы вторглись в Польшу и Венгрию, однако поход был прерван вследствие смерти великого хана Угэдея. В 1243 г. монголы подчинили малоазиатских тюрок, а в 1258 г. взяли Багдад. Смерть великого хана Монкэ в 1259 г. вызвала династическую усобицу и распад Монгольской империи на фактически независимые «улусы». Эти события на время остановили наступление монголов, и в дальнейшем завоевательные походы перемежались с междоусобными войнами, которые не позволяли монголам, как прежде, мобилизовать все силы для внешней агрессии.

В момент начала завоеваний монголы не имели готовых административных институтов для управления земледельческими государствами, они не имели даже письменности, и, как показали Н. Н. Крадин и Т. Д. Скрынникова, при Чингисхане монгольское государство по многим параметрам оставалось на уровне простого вожества⁵³. За отсутствием собственных бюрократических кадров монголы были вынуждены доверить создание новой администрации перешедшим на их сторону чиновникам покоренных государств. Первым из таких чиновников был уйгур Тата тун-а, который учил детей Чингисхана и первых монгольских чиновников уйгурскому письму. Сунский посол Чжао Хун писал, что после овладения северной столицей Цзинь, Яньцзином, монголы создали там администрацию по цзиньскому образцу, причем документация велась на уйгурском языке⁵⁴. Писцов в новых учреждениях называ-

⁵³ Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингисхана. М., 2006. С. 507.

⁵⁴ Мэн-да бэй-лу... С. 38, 52, 73, 125.

ли по-монгольски «бичэчи», что соответствует уйгурскому «бахши» и китайскому «би-чже» — «секретарь». Естественно, что многие термины, используемые этой администрацией, имели уйгурское происхождение, в их числе «ярлык» (ханский указ), «тамга» (печать, а также торговый налог), «ал тамга» (алая печать хана), «тамгачи» («обладатель печати», «чиновник»), «купчур», «калан», «ясак» (различные налоги), «сагчий» (сановник)⁵⁵.

При великом хане Угэдэе главой новой администрации стал бывший цзиньский чиновник Елюй Чуцай, которому было поручено наладить сбор налогов на завоеванных территориях. Елюй Чуцай восстановил административное деление на области, «лу», и провел перепись населения, при которой, как обычно в Китае, переписывались не люди, а дворы, и население объединялось в десятидворки и стодворки, связанные круговой порукой в уплате налогов, выполнении повинностей и поставке рекрутов. После проведения переписи были введены два основных налога: подушный и поземельный. Традиционный для Китая подушный налог («диншуй») собирался с совершеннолетних мужчин; первоначально его собирали в зерне по единой для всех ставке, но позже (с 1253 г.) стала учитываться имущественная состоятельность и налог стали собирать в деньгах. Поземельный налог (как и при Цзинь) исчислялся в зависимости либо от количества волов и плугов, либо от количества и качества земли. Однако реально каждая семья платила один налог — тот, который был больше; крестьяне обычно платили поземельный, а горожане и кочевники — подушный налог, священнослужители от налогов освобождались. С кочевников брали налог, который назывался «купчур» (собственно, «пастбище», или «налог на пастбище») и составлял 1 голову скота с каждых 100 голов⁵⁶.

⁵⁵ Насонов А. Н. Монголы и Русь. М. — Л. 1940. С. 11; Мэн-да бэй-лу... С. 38; Бартольд В. В. Указ. соч. С. 162, 167; Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X—XIV вв. М. — Л., 1966. С. 103–105; Дмитриев В. З. Хырз // <http://www.enc.cap.ru>

⁵⁶ Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965. С. 44, 48; Чулуны Далай. Монголия в XIII—XIV веках. М., 1983. С. 10; Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М. — Л., 1960. С. 360; Воробьев М. В. Чжурчжени и государство Цзинь... С. 258–259; Мэн-да бэй-лу... С. 30. Прим. 40; Schurmann H. F. Mongolian Tributary Practice of the Thirteenth Century // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1956. Vol. 19. P. 367–370.

Кроме этих основных налогов Чуцай восстановил торговый налог, который взимался при продаже и составлял $\frac{1}{30}$ стоимости товара. Была снова введена воинская повинность и государственная торговая монополия на ряд важных товаров, в том числе на соль и вино. В отношении других товаров правительство обладало правом проводить принудительные закупки по установленным им ценам. Был возобновлен выпуск бумажных денег с номинальной стоимостью. Под руководством Чу-цая была восстановлена система почтовых станций, которые назывались по-китайски «чжань» или «чжам», откуда происходит монгольское слово «джам», тюркское — «йам» и русское — «ям»⁵⁷. Нужно отметить, что функции ямской службы были много шире, чем функции почты (существовавшей прежде и в мусульманских государствах); это была государственная транспортная служба, предназначенная для перевозки людей и грузов, и не только государственных грузов: за определенную плату ямами могли пользоваться и купцы. Это была наиболее мощная транспортная система, существовавшая в мире до появления железных дорог.

В целом реформа Чуцая подразумевала восстановление китайской административной и налоговой системы и распространение ее на все завоеванные монголами государства. Необходимо подчеркнуть, что это была *совершенная и уникальная по тем временам государственная система* — продукт двухтысячелетнего развития китайской цивилизации. Нигде в мире в те времена не было столь четкой бюрократической организации — организации, способной производить переписи и кадастры и собирать налоги в соответствии с доходами плательщика. Европа в этом отношении не могла сравниться со странами Востока: хорошо известно, что первый кадастр во Франции провел император Наполеон, а до этого налоги собирались «абы как», «навскидку».

Однако Чуцаю не удалось восстановить китайскую администрацию в чистом виде. В 1236 г. Угэдэй принял решение по монгольскому обычаю пожаловать князьям и знати «улусы», которые по-китайски назывались «тан му-и» («уделы на кормление»). Таким образом, страна оказалась поделенной на две части: одни области непосредственно управлялись центральной администрацией, другие отдавались в уделы⁵⁸. Елюй Чуцай протестовал против этого ре-

⁵⁷ Мункуев Н. Ц. Указ. соч. С. 40, 55, 58, 194; Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. II. М. — Л., 1946. С. 36. Прим. 98; Schurmann H. F. Mongolian Tributary Practice... P. 366.

⁵⁸ Schurmann H. F. Mongolian Tributary Practice... P. 316, 330.

шения и в конце концов настоял, чтобы в каждый удел были назначены государственные чиновники «даругачи», ограничивавшие права князя. Согласно «Юань ши» даругачи проводили переписи, собирали налоги, доставляли их в столицу, проводили рекрутский набор, отвечали за работу почтовых станций⁵⁹. Часть налогов, собираемых даругачами, шла владельцу удела, а другая часть — великому хану. Д. Островский обращает внимание на то обстоятельство, что в Китае издавна существовала дуальная система управления: провинцией управляли два губернатора, гражданский и военный. В этой системе, полагает Д. Островский, должность даругачи соответствовали должности гражданского губернатора⁶⁰. Хотя в двоевластии князей и даругачи просматривается желание Елюй Чуцай приблизить новую администрацию к традиционным китайским формам, князья, владельцы уделов, играли, конечно, более важную роль, чем прежние военные губернаторы. Монгольский термин «даругачи» происходит от корня «давить», и, как доказывает И. Вазари, он является калькой тюркского термина «баскак». Система баскаков ранее существовала в киданьском государстве Западное Ляо (напомним, что Елюй Чуцай был киданем царского рода) и функционально даругачи и баскаки ничем не отличались друг от друга. В государстве киданей существовало две системы управления: в одном случае гурхан управлял через наместников, в другом случае он приставлял к местным князьям своих баскаков. Именно такой порядок и был установлен в Китае, позднее он был распространен на всю империю⁶¹.

Елюй Чуцай потерпел еще одну неудачу в попытке сохранения китайской традиции, когда Угэдэй приказал ввести налоговые откупа. Откупа были распространены в мусульманском мире, и они были введены по настоянию монгольской знати, сотрудничавшей с мусульманскими купцами. Пользуясь покровительством знати, откупщики злоупотребляли своими полномочиями: завышали ставки налогов, предоставляли неплательщикам деньги в долг под кабальные проценты, а потом обращали должников в рабов⁶².

⁵⁹ Цит. по: Насонов А. Н. Указ. соч. С. 14; Юань Ши // Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М., 2004. С. 488–489.

⁶⁰ Ostrowski D. Muskovy and the Mongols... P. 40.

⁶¹ Vasary I. The Origin of the Institution of Basqaqs // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1978. Vol. 32. P. 203–205; см. также: Пиков Г. Г. Западные кидани. Новосибирск, 1989. С. 131.

⁶² Мункуев Н. Ц. Указ. соч. С. 60.

Следует обратить внимание, что новое общество, возникшее в результате монгольского завоевания Китая, имело особую социальную структуру. Это общество состояло из двух основных сословий. Завоеватели составляли господствующее военное сословие, они жили в монгольской степи или в размещенных в Китае военных поселениях. Воины-монголы получали долю добычи, рабов из числа пленных, и (по-видимому, нерегулярные) денежные и продуктовые выдачи; казна снабжала их оружием, а в случае необходимости — лошадьми. Характерно, что поместий с крестьянами ни рядовые воины, ни младшие офицеры не имели; уделы имелись только у высшей знати. Более того, воины-завоеватели платили налоги и подчинялись жесткой военной дисциплине, столь несвойственной тюркам, владевшим иктами⁶³.

Китайцы составляли приниженное сословие, им запрещалось держать лошадей и иметь оружие — конфискации подлежали даже плети и батоги с железными наконечниками. Любой монгол мог безнаказанно избить китайца; китайцу, поднявшему руку на монгола, грозила смерть. Любой военный или чиновник, едущий по делам службы, мог требовать у местных жителей предоставления помещения для своей свиты, а также пищу и корм для лошадей. Такие требования со стороны воинов-монголов обычно сопровождались вымогательствами, грабежами и насилием. Постоянная повинность была одним из наиболее ярких воплощений права воинов-завоевателей творить произвол над побежденными народами⁶⁴.

На особом положении находились ремесленники. Монголы высоко ценили ремесло и зачастую, истребляя население завоеванных городов, щадили только ремесленников. Пленных ремесленников отправляли в большие государственные мастерские, где они содержались на положении рабов⁶⁵.

Специфическим институтом нового общества была «орду» в узком смысле этого слова: двор хана, его приближенные и всег-

⁶³ Мункуев Н. Ц. Указ. соч. С. 57; Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М. — Л., 1960. С. 396; У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М., 1980. С. 36–37; Очерки истории Китая с древнейших времен до «опиумных» войн. М., 1959. С. 366.

⁶⁴ Мункуев Н. Ц. Указ. соч. С. 57; Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М. — Л., 1960. С. 396; У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М., 1980. С. 36–37; Очерки истории Китая с древнейших времен до «опиумных» войн. М., 1959. С. 366.

⁶⁵ История Востока. Т. II. М., 1999. С. 393.

да находящаяся при хане 10-тысячная гвардия кешектенов. Отборная тысяча кешектенов называлась «баатуры». Гвардейцы набирались преимущественно из детей знати, они находились на полном обеспечении казны и из их числа набирали чиновников в аппарат управления⁶⁶. Другим специфически монгольским элементом новых общественных отношений были так называемые «дарханы» (тюркс. «тарханы») — освобождения от податей, жалуемые ханом тому или иному лицу (а так же и сами эти лица). Освобождения такого рода и соответствующие грамоты давали, в частности, духовным лицам и церковным организациям. Как отмечал Х. Шурманн, тарханные грамоты во всех улусах империи писались по одному формуляру, копирующему исходную монгольскую форму. Поэтому грамоты такого типа служат своеобразным маркером, указывающим на границы распространения тарханной практики. Тарханные грамоты перечисляют налоги, от которых освобождалось жалуемое лицо, и являются ценными источниками при идентификации одинаковых налогов, для обозначения которых применялись различные термины⁶⁷.

Таким образом, социально-политическое устройство новой Монгольской империи было результатом достаточно сложного *социального синтеза*; в этом синтезе преобладали китайские компоненты, но существенную роль играли также традиции монголов, киданей и мусульман.

11.3. ИРАН ПОД ВЛАСТЬЮ МОНГОЛОВ

Катастрофа, вызванная монгольским нашествием, своими масштабами превзошла все катаклизмы, которые было суждено пережить человечеству до тех пор. «Сомнения нет, — писал Хамдаллах Казвини, — что разруха и всеобщая резня, бывшие при появлении монгольской державы, таковы, что если бы и за тысячу лет [после этого] никакого другого бедствия не случилось, их все равно не исправить, и мир не вернется к тому первоначальному состоянию, какое было прежде этого события»⁶⁸. Действительно, по оценкам специалистов, экономика Ирана смогла достичь домонгольского уровня лишь в XX в.⁶⁹

⁶⁶ Там же. С. 374.

⁶⁷ Schurmann H. F. Mongolian Tributary Practice... P. 320–324.

⁶⁸ Цит. по: Петрушевский И. П. Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов... С. 227.

⁶⁹ Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране... С. 113.

В отличие от других кочевников монголы практиковали целенаправленное и планомерное истребление мирного населения. После овладения городами осуществлялась «всеобщая резня»: горожан выгоняли в поле, небольшую часть, ремесленников и красивых женщин, отводили в сторону, остальных вязали веревками и делили между воинами; затем воины заставляли пленников встать на колени и рубили им головы. Специальная стража следила, чтобы никто не избежал расправы. Писцы проводили подсчет срубленных голов, к примеру после взятия Мерва такой подсчет продолжался 13 дней и дал цифру в 1300 тыс. убитых. Во время нашествия за стенами больших городов укрывалось население целых областей, поэтому количество жертв часто бывало огромным. В Герате было вырезано 1600 тыс. человек, в Балхе — 200 тыс., в Багдаде — 800 тыс., в Нишапуре погибло 1747 тыс. одних мужчин, без учета женщин и детей⁷⁰. Везир Хулагу-хана Джувейни свидетельствовал, что «где было народу сто тысяч, не осталось, без преувеличения, и сотни душ, и подтверждением сего утверждения может служить судьба многих городов, о каждом из которых сказано в должном месте»⁷¹. По словам Рашид ад-дина, после нашествия обрабатывалась лишь десятая часть всей пашни⁷². Археологическое обследование области Дайялы свидетельствует, что население по сравнению с периодом до нашествия сократилось в 6–7 раз, а по сравнению с началом IX в. — в 15 раз⁷³.

Социально-экономическое развитие после завоевания определялось процессом *социального синтеза*. И. П. Петрушевский в работе, посвященной монгольскому периоду истории Ирана⁷⁴, описывает этот процесс в духе теории Ибн Халдуна: социальный синтез проходит в борьбе двух политических группировок; одна из них — это кочевая знать, отстаивающая степные традиции. Кочевая знать стремиться к неограниченной хищнической эксплуатации покоренного населения, она выступает как носитель тенденций феодальной раздробленности и анархии. Другая политическая группировка — это местная бюрократия, которая побуждает ханов к пере-

⁷⁰ Там же. С. 38. Конечно, нельзя утверждать, что эти цифры, приводимые разными историками, одинаково достоверны. И. П. Петрушевский, в частности, показал, что цифра, приводимая для Герата, вполне реальна.

⁷¹ Джувейни Ата-малик. Чингисхан. История завоевателя мира. М., 2004. С. 19.

⁷² Цит. по: Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 79.

⁷³ Ashtor E. A Social and Economic History... P. 254.

⁷⁴ Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране. М., 1960.

ниманию местных государственных традиций. Хань и бюрократия стремятся к утверждению централизованной авторитарной монархии, к введению упорядоченной системы налогов и к восстановлению экономики⁷⁵.

Завоеватель Ирана Хулагу-хан и его сын Абака-хан (1265–1282 гг.) придерживались кочевых традиций, в их правление кочевники полностью господствовали над покоренным населением. Монгольские царевичи, нойоны и эмиры получали от хана в уделы («улусы») обширные территории; ханские уполномоченные, баскаки, собирали налоги с этих уделов и передавали их владельцам. Однако характерно, что основная часть земель оставалась в собственности государства, и налоги с этих земель собирались непосредственно в государственную казну. Монгольские ханы долгое время воздерживались от выделения воинам владений-икт; рядовые монголы вели привычную им жизнь кочевников, лишь иногда они получали небольшие выдачи из казны⁷⁶.

После завоевания в Иран и Ирак переселились многочисленные монгольские и тюркские племена, которые занимали плодородные земли под свои кочевья. Кочевники признавали лишь право сильного, они не делали разницы между покоренными и непокорными народами и грабили всех подряд. При перекочевках огромные отары двигались прямо по крестьянским полям, затаптывая посевы; монголы и тюрки грабили деревни и чинили насилия над крестьянами⁷⁷. Тяжким испытанием для крестьян была постоянная повинность; любой монгольский эмир, останавливаясь на постоя в каком-нибудь селении, занимал для себя и своей свиты до сотни домов. Нукеры этого эмира требовали у хозяев вино и пищу, избивали хозяев, насиловали женщин. Ко всем бедам прибавлялись постоянные войны между кочевниками, во время которых Иран подвергался новым опустошениям. В 1295 г. владетель Средней Азии, Дува-хан Чагатайский, разрушил почти все города Хорасана и угнал 200 тыс. пленных⁷⁸.

Поскольку налоговая система Монгольской империи была устроена по китайскому образцу, то завоеватели принесли в Иран китайские порядки. Прежде всего они провели перепись и разделили на-

⁷⁵ Там же. С. 49–50.

⁷⁶ Пигулевская Н. В. и др. Указ. соч. С. 189–190.

⁷⁷ Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 41, 44, 75–76.

⁷⁸ Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 73, 82; Пигулевская Н. В. и др. Указ. соч. С. 188, 198.

селение на десятки, связанные круговой порукой. Особые писцы «битикчи» вели составленные в каждом районе податные росписи, «дафтары»⁷⁹. «Так как все страны и народы стали им подвластными, — писал персидский историк Джувейни, — то они провели перепись, после которой в соответствии со своими традициями разделили всех на десятки, сотни и тысячи и потребовали нести военную службу, обслуживать ямы, нести вызванные этим расходы, обслуживать их кормами — это в добавление [к прежним налогам]; сверх всего они установили также купчур»⁸⁰. И. П. Петрушевский писал, что налог «купчур» был заимствован из Китая, причем имелось две разновидности купчура, собиравшиеся, соответственно, с кочевников и оседлых жителей. Купчур с кочевников собирали из расчета по 1 голове со ста голов скота; купчур с оседлых жителей выступал в качестве подушного налога, его собирали по 70 дирхемов с десятка, связанного круговой порукой. Купчур платили только трудоспособные мужчины, от его уплаты освобождались служители религии, которым предоставлялось «тарханство». Известно, что подушную подать собирали с горожан; поначалу в некоторых районах купчур собирался и с крестьян, но затем он был отменен. Сохранившаяся податная роспись Хузистана времен Газан-хана (1295–1304 гг.) уже не упоминает о купчуре с земледельцев, с них собирали старую, домонгольскую поземельную подать — харадж. В документах часто упоминаются термины «калан» и «маль»; как показал Дж. Смит, «калан» — это был монгольский эквивалент местного термина «маль», означающего «обычные», т. е. домонгольские налоги. Главным из «обычных» налогов был харадж, поэтому калан, в общем, соответствует хараджу; И. П. Петрушевский указывает, что в податной росписи Хузистана «маль» — просто синоним хараджа⁸¹.

В итоге можно прийти к выводу, что часто упоминающаяся в значении основного налога пара купчур-калан равнозначна купчур-харадж и соответствует китайскому подушно-поземельному налогу, который собирался в городах с «душ» или со дворов, а в деревнях —

⁷⁹ Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 289; Али-Заде А.-К. Указ. соч. С. 291.

⁸⁰ Juvayni Ala'uddin. *The History of World Conqueror*. Vol. I. Cambridge (Mass.). 1958. P. 33–34.

⁸¹ Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 342, 363–365, 368, 369, 384; Schurmann H. F. *Mongolian Tributary Practice...* P. 378; Али-Заде А.-К. *Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв.* Баку. 1956. С. 204–206; Smith J. M. *Mongol and Nomadic Taxation* // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1970. Vol. 30. P. 49–55.

с земли. Помимо этого основного налога существовали торговый сбор «тамга» и принудительные закупки товаров казной («тарх»). Далее в источниках упоминаются воинская повинность по поставке рекрутов (1 человек с 9 дворов), «улаг» (буквально — «вьючное животное») или «подвода» — повинность по поставке лошадей и подвод для созданных монголами почтовых станций («йамов»). Все эти заимствованные из Китая налоги и повинности противоречили мусульманскому праву (шариату) и воспринимались населением как «безбожные». Кроме того, продолжала существовать введенная при сельджуках постоянная повинность («нузл») с поставкой проезжающим чиновникам, воинам и гонцам («ильчи») пищи, кормов и содержания («алафэ» и «улафа») ⁸².

Монголы намного увеличили размеры налогов, однако тяжесть обложения определялась не столько официальными размерами налогов, сколько методами их сбора. Завоеватели-варвары не могли наладить сбор налогов и сдавали их на откупа местным купцам. Предприимчивые дельцы брали деньги в долг под огромный процент, раздавали взятки влиятельным эмирам и получали на откуп области. После этого они бесконтрольно обирали крестьян, выжимая из них все соки, ведь им нужно было не только обогатиться самим, но и заплатить проценты ⁸³. Указ Газан-хана говорит, что на практике откупщики взымали вдвое больше, чем полагалось, и при этом ничего не отправляли в казну ⁸⁴. Если требовалось заплатить воинам или чиновникам, то власти переадресовывали платежи откупщикам, а те давали вместо денег «бераты» — предписания на получение нужной суммы в счет налогов с такой-то деревни. Обладатели бератов со своими людьми приезжали в деревню, но там уже побывали сборщики налогов и разоренные крестьяне не могли платить, они разбегались и прятались; воины ловили тех, кто не успел спрятаться, и пытали их, требуя выдать, где укрываются остальные. «Если не могли заполучить мужчин, то схватывали их жен, — свидетельствует Рашид ад-дин, — и, словно стадо овец, гоня перед собой из околотка в околоток, уводили их к сборщикам» ⁸⁵. Крестьяне были до такой степени замучены постоянными насилиями

⁸² Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 386, 393, 396, 398; Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. III. М. — Л., 1946. С. 257–258, 290; Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М. 1973. С. 40.

⁸³ Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. 3. М. — Л., 1946. С. 257–258, 290.

⁸⁴ Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. 3. М. — Л., 1946. С. 257.

⁸⁵ Там же. С. 251–252.

ями, что, по словам Газан-хана, «если бы муха утащила у них что-нибудь, они не смогли бы того у нее отнять»⁸⁶. Во избежание бегства райаты были прикреплены к земле, и, по законам чингисхановой «Ясы», пойманным беглецам грозила смертная казнь. Те, кто еще мог сопротивляться, уходили в партизаны или в разбойники; редкий караван мог пройти по дорогам, не подвергшись нападению. Кочевники также нападали на караваны, ведь рядовые монголы мало что выиграли от завоевания Ирана; развал налоговой системы привел к тому, что они не получали положенного содержания из казны, им приходилось брать свое посредством грабежей и насилий⁸⁷.

Процесс *социального синтеза* проявлялся прежде всего в мусульманизации монгольской знати. Первым из монгольских правителей Ирана принял ислам правивший в 1282–1284 гг. Токудар-хан. Последствием этого шага было обращение Токудара к жителям Багдада с обещанием покровительства мусульманам. Однако покровительство побежденным и попытки остановить грабежи кочевников сразу же вызвали *традиционалистскую реакцию* и мятеж кочевой знати, Токудар был свергнут и убит. Везир Аргун-хана (1284–1291 гг.) Са'д-ад-дулэ запретил монголам бесконтрольно требовать от населения продовольствие и фураж — он также был убит знатью. Другой везир, Садр-ад-дин, в правление Кейхату-хана (1291–1295 гг.) пытался выйти из финансового кризиса с помощью заимствованных из Китая бумажных денег — эта реформа не могла решить социальных проблем и, естественно, закончилась неудачей⁸⁸.

Тем не менее процесс социального синтеза набирал силу, кочевники постепенно перенимали местные культурные традиции, к концу XIII в. ислам был принят многими монгольскими эмирами. В 1295 г. мусульманская группировка посадила на трон 24-летнего сына Аргуна, Газан-хана; везиром Газан-хана стал известный врач и финансист Рашид ад-дин. Рашид ад-дин впоследствии стал знаменит как один из крупнейших историков и теоретиков исламского государства, подобно Низам ал-мульку он видел основу государственности в справедливых отношениях между сословиями. «Основа управления есть справедливость, — подчеркивал Рашид ад-

⁸⁶ Там же. С. 259. Это выражение представляет собой цитату из Корана. Суры 22, 72.

⁸⁷ Там же. С. 268, 281. Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 327, 329, 332.

⁸⁸ Пигулевская Н. В. и др. Указ. соч. С. 193–195; Ashtor E. A Social and Economic History... P. 255.

дин, — ибо, как говорят, доход государства бывает от войска — *нет дохода султана, кроме как от войска*, а войско можно собрать благодаря налогу — *нет войска без налога*, а налог получают от райата — *нет налога, кроме как от райата*, а райата можно сохранить благодаря справедливости — *нет райата, если нет справедливости*⁸⁹.

Следуя советам Рашид ад-дина, Газан-хан провел серию реформ, направленных на прекращение произвола кочевников, уничтожение злоупотреблений откупщиков налогов, на восстановление хозяйства и облегчение положения крестьян. Был проведен земельный кадастр и установлены точные размеры податей для каждого крестьянского хозяйства, податные росписи деревень были вырезаны на медных досках и укреплялись на стенах мечетей, сборщикам категорически запрещалось брать с крестьян больше, чем указано в ведомостях. Практика выдачи бератов была отменена, и отныне все собранные налоги отправлялись в казну; был налажен строгий учет и контроль, так что средств стало поступать вдвое больше, чем прежде числилось в ведомостях, но не поступало. Была отменена повинность по содержанию ямских станций, снижены размеры «тамги»⁹⁰. Принимались меры по прекращению грабежей кочевниками мирного населения, после отмены постоянной повинности «дом, который раньше стоил сто динаров, не отдавали и за тысячу динаров»⁹¹. Было запрещено противное мусульманскому праву ростовщичество; нуждающимся крестьянам выдавали семенное зерно, предоставляли рабочий скот и домашнюю птицу⁹². «Снова образовался семенной запас, райатам достается в два раза больше дохода, и они окрепли, — свидетельствует Рашид ад-дин. — Распространилось благосостояние, и объявилась дешевизна»⁹³.

Газан-хан и Рашид ад-дин организовали обширные работы по восстановлению ирригационной системы. Было проведено несколько крупных каналов; «Верхний Газанов канал» позволил оросить земли, которые давали 100 тыс. тагаров (около 30 тыс. тонн) зерна. Канал, проложенный в окрестностях Диабекира, имел длину 160 км, на его строительстве было занято 20 тыс. человек, после

⁸⁹ Цит. по: Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 56. Выделение в тексте произведено Рашид ад-дином.

⁹⁰ Там же. С. 58. Рашид ад-дин. Указ. соч. С. 259–262.

⁹¹ Рашид ад-дин. Указ. соч. С. 314.

⁹² Там же. С. 292, 306.

⁹³ Там же С. 307.

прокладки канала на его берегах было основано 14 селений⁹⁴. В городах также велось значительное строительство, новые столицы ханов, Тебриз и Султанийэ, украсились многочисленными дворцами и мечетями. Рашид ад-дин построил в Тебризе большой квартал, где было 30 тыс. домов, 24 караван-сарая, множество ремесленных мастерских. Стена, возведенная вокруг города, имела длину 24 км — судя по занимаемой площади, Тебриз был одним из крупнейших городов Средневековья⁹⁵. «В настоящее время во всех владениях люди заняты приведением земель в цветущее состояние», — писал Рашид ад-дин⁹⁶.

Великий историк не удержался от преувеличений при описании результатов своих реформ. Конечно, положение крестьян стало намного лучше, но налоги оставались тяжелыми. Основной налог, харадж, составлял до 60% урожая — больше, чем в период после арабского завоевания. Сохранялось введенное ранее прикрепление крестьян к земле. Крестьянский надел назывался «джуфтом», «плужным участком», и составлял в среднем 6–7 га. Для вспашки использовались большие плуги, в которые зачастую запрягали две-три пары быков; как в древнем Двуречье такие плуги обслуживались артелью из трех-четырех человек. Одной семье было не под силу содержать такую запряжку, поэтому крестьяне объединялись в маленькие кооперативы из 6–7 семей и вели хозяйство совместно⁹⁷.

Масштабы разрушений во время монгольского нашествия были столь велики, что для восстановления экономики требовались столетия. Рашид ад-дин добился значительных успехов, но ему и его преемникам удалось только отчасти восстановить разрушенное. Хамдаллах Казвини, путешествовавший по Ирану около 1340 г., писал, что в окрестностях Рея имеется 360 селений, изобилие дешевой пшеницы, но сам город еще лежит в развалинах, такая же ситуация в окрестностях Туршиза и т. д. Особенно тяжелым оставалось положение в Ираке; по словам Казвини, эта некогда цветущая область представляла собой по большей части пустыню; сбор налогов был в десять раз меньше, чем до катастрофы⁹⁸. Несмотря на старания Рашид ад-дина, общие доходы огромного государства Хула-

⁹⁴ Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 84–85.

⁹⁵ Пигулевская Н. В. и др. Указ. соч. С. 205–206.

⁹⁶ Цит. по: Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 90.

⁹⁷ Там же. С. 112, 289.

⁹⁸ Цит. по: Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 90–91.

гуйдов составляли лишь 21 млн «ильханских» динаров — в полтора раза меньше, чем прежде собирали с одного Ирака. Денежное обращение так и не было восстановлено, жалование служилым людям выплачивалось по большей части продуктами. Ремесло находилось в упадке, во времена завоевания ремесленники были обращены монголами в рабов, они работали в больших государственных мастерских «карханэ» и производили товары для двора и армии⁹⁹.

Среди реформ, проведенных Рашид ад-дином и Газан-ханом, особое место занимает решение о раздаче икт всем воинам, числившимся в диване войска. До этого монгольские и тюркские воины получали лишь нерегулярные выдачи и при перекочевках систематически грабили крестьян. Газан-хан считал, что «лучше нам те области из наших владений, по которым расположены пути следования войск и их летние и зимние пастбища и где они постоянно бесчинствуют... целиком отдать в икты войскам»¹⁰⁰. Эмирам тысяч были выделены земли, которые они по жеребьевке должны были распределить между своими сотниками, а те — между рядовыми воинами. «У военных над райатами нет власти выше, как только заставлять их возделывать землю их деревень и получать с них исправно установленные диваном налог и подати, — гласил указ Газан-хана. — Пусть воины не занимают райатов иной работой, кроме того, что каждый возделывает землю на своем месте... Если военные люди будут требовать налог, купчур и прочее сверх подробно перечисленного в податных росписях, то пусть ариз¹⁰¹ этого не допускает»¹⁰². Икты могли быть отняты в случае, если воин совершил какой-нибудь проступок, после смерти воина его преемником становился один из его сыновей¹⁰³.

Таким образом, в ходе социального синтеза произошло восстановление традиционной для тюрок феодальной системы икты. Устойчивость системы икты зависела от способности центрального правительства контролировать соблюдение законов и защищать крестьян от произвола воинов. Рашид ад-дин оставался у власти свыше двадцати лет — это были годы правления Газан-хана (1295–1304 гг.) и его брата Ольджайту-хана (1304–1316 гг.). Наследником Ольджайту-хана стал его сын Абу Са'ид Бахадур-хан (1316–1335 гг.); Абу Са'иду бы-

⁹⁹ Там же. С. 97–98, 107. Пигулевская Н. В. и др. Указ. соч. С. 198.

¹⁰⁰ Рашид ад-дин. Указ. соч. С. 281.

¹⁰¹ Чиновник.

¹⁰² Там же. С. 284–285.

¹⁰³ Там же.

ло лишь двенадцать лет, и власть оказалась в руках эмира Чобана, ярого приверженца кочевых традиций. Чобан ненавидел Рашид ад-дина; в 1318 г. великий министр и историк был казнен. Пришло время традиционалистской, кочевой реакции: кочевые эмиры устраивали заговоры и поднимали мятежи, эмир Ясавур опустошил Хорасан и увел в Среднюю Азию 100 тыс. пленных. Смута, совпавшая со стихийными бедствиями, привела к голоду; люди покидали свои жилища и разбежались. В 1327 г. повзрослевшему Абу Са'иду удалось избавиться от опеки эмира Чобана; везиром был назначен сын Рашид ад-дина, Гийас ад-дин Мухаммед. Гийас ад-дин пытался продолжать политику отца, но смерть не оставившего наследника Абу Са'ида вызвала новую междоусобную войну. Кочевая реакция окончательно одержала верх: монгольские племена воевали в Иране, как раньше в монгольской степи. После десятилетней войны эмир племени джелаир Хасан Большой овладел Ираком, эмир племени сулдуз Хасан Малый захватил Азербайджан, а эмир ойратов Аргуншах утвердился в Хорасане¹⁰⁴. Долгая война сопровождалась голодом и эпидемиями. В 1347 г. в Ирак пришла «Черная смерть»; свидетельства об этой эпидемии немногочисленны, но Е. Аштор предполагает, что смертность была достаточно большой¹⁰⁵.

Распад государства Хулагуидов позволил иранцам вернуться к власти в некоторых районах, в южном Иране установилась власть персидской династии Музафарридов. Центром персидской национальной традиции в предшествующую эпоху был Хорасан, в начале XIV в. в Хорасане возобновилась пропаганда национального и социального освобождения, как и раньше, она велась под оболочкой шиитского вероучения. В роли наследников исмаилитов выступали дервиши, которых возглавлял шейх Хасан Джури; босиком и в лохмотьях они ходили по деревням, призывая к восстанию против завоевателей. Последователи шейха называли себя его мюридами («учениками»), они приносили присягу, обязываясь держать наготове оружие и выступить по первому призыву шейха. В 1338 г. Хорасан поднялся против монголов, восставшие называли себя «обремененными на виселицу», «сербедарами». Готовность идти на смерть принесла сербедарам победу, к удивлению военных историков, восставшие крестьяне разгромили войска Аргуншаха. Вождь восставших Верджих ад-дин Масуд был провозглашен султаном; сербедары создали небольшое государство с центром в Себзеваре. Подати, не

¹⁰⁴ Пигулевская Н. В. и др. Указ. соч. С. 207–208, 217.

¹⁰⁵ Ashtor E. A Social and Economic History... P. 277.

основанные на шариате, были отменены, харадж был ограничен $\frac{3}{10}$ урожая; по свидетельству современника, «райаты жили в полном довольстве и спокойствии»¹⁰⁶. Сербедарские султаны стремились завоевать популярность у народа, избегали роскоши и носили простые одежды из грубой ткани. В доме султана ежедневно устраивалась общая трапеза, на которую мог явиться всякий — богатый и бедняк¹⁰⁷.

В то время как на востоке Ирана победили восставшие крестьяне, на западе и на севере страны утвердилось господство кочевников. Правившие в Азербайджане потомки эмира Чобана были известны своим жестоким отношением к крестьянам-земледельцам. Иракские Джелаириды проводили более умеренную политику и временами старались поощрять земледелие, однако слабость ханской власти не позволяла сдерживать произвол кочевников. Победа кочевых традиций привела к тому, что государство потеряло контроль над иктами. С середины XIV в. икты, выделяемые эмирам-тысячникам, превратились в полусамостоятельные владения, куда был запрещен доступ правительственным чиновникам, позже такие владения стали называть *союргалами*. Эмиры сами выделяли землю своим воинам и сами творили суд над крестьянами; крестьяне лишились защиты государства и, будучи прикрепленными к земле, оказались во власти воинов и эмиров¹⁰⁸. Хозяева икт считали своих крестьян рабами, хотя официально, с точки зрения мусульманского права, ни один мусульманин не мог быть обращен в раба¹⁰⁹. Прикрепление к земле, закрепощение и отягчение крестьянских повинностей было основной чертой этого периода, характерной не только для Ирана, но и для всего ближневосточного региона. Анализируя причины закрепощения, И. П. Петрушевский подчеркивает определяющую роль демографического фактора. Ранее, до монгольского нашествия, при относительном малоземелье и густоте населения в деревне не было недостатка в рабочих руках и издольщиках, пишет И. П. Петрушевский. «Монгольское нашествие вызвало огромное сокращение численности населения... Если раньше орошаемой земли не хватало для густого сельского населения, то теперь, на-

¹⁰⁶ Цит. по: Пигулевская Н. В. и др. Указ. соч. С. 227.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 266–267; Али-заде А. А. К вопросу об институте икта в Азербайджане при ильханах // Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. 1. Баку, 1949. С. 134; Пигулевская Н. В. и др. Указ. соч. С. 220.

¹⁰⁹ Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 332.

против, необработанных и пустующих земель было слишком много, а рабочих рук мало. Между тем налоговая политика завоевателей... жестокий произвол и насилия феодалов... вызывали массовые побег крестьян. Теперь феодальное государство и класс феодалов... были заинтересованы в запрещении права перехода и в принудительном возвращении беглых крестьян»¹¹⁰. Такой же точки зрения придерживается Е. Аштор: «Порабощение крестьянства было следствием нехватки трудовых ресурсов, которая последовала за сокращением численности населения»¹¹¹.

О нехватке рабочей силы свидетельствуют сохранившиеся данные о ценах и заработной плате. В одном из поместий Рашид ад-дина крестьяне, работавшие на финиковой плантации, получали по 100 динаров в год и по 1 ману (3 кг) хлеба ежедневно¹¹². 100 «ильханских» динаров в год эквивалентно месячной зарплате в 1,8 обычного динара¹¹³. О цене зерна имеется единственное известие от 1320–1340 гг.: 100 кг пшеницы в это время стоили 0,58 классического динара¹¹⁴. В пересчете на зерно дневная оплата батраков Рашид ад-дина составляла около 14 кг — это была высокая плата, свидетельствующая о том, что батраков не хватало. Чтобы не платить такую высокую плату, хозяева икт превращали крестьян в рабов.

Распавшийся на враждующие государства Иран не мог противостоять новому вражескому нашествию. В 1383 г. на страну обрушились полчища правителя Средней Азии Тимура. Тимур разгромил государство сербедаров и подверг жестокому опустошению Восточный Иран. Одновременно хан Золотой Орды Тохтамыш разорил Тебриз и вывел на север 90 тыс. пленных. В 1387 г. Тимур овладел Исфаханом и после «всеобщей резни» приказал своим войнам воздвигнуть башни из 70 тыс. отрубленных голов. Война за Иран и Ирак длилась около двадцати лет; в 1401 г. Тимур окончательно овладел Багдадом и вырезал все население города — 90 тыс. человек. Нашествие Тимура означало новую катастрофу — едва возродившиеся города Передней Азии снова обратились в развалины¹¹⁵.

¹¹⁰ Там же. С. 321.

¹¹¹ Ashtor E. A Social and Economic History... P. 258.

¹¹² Петрушевский И. П. Феодальное хозяйство Рашид ад-дина // Вопросы истории. 1951. № 4. С. 88.

¹¹³ См. ниже, пункт 2.5.

¹¹⁴ Ashtor E. A Social and Economic History... P. 257.

¹¹⁵ Пигулевская Н. В. и др. Указ. соч. С. 231–232; Истории стран зарубежной Азии... С. 366.

Переходя к анализу социально-экономического развития Ирана в период правления Хулагуидов, необходимо подчеркнуть грандиозные масштабы катастрофы, вызванной монгольским нашествием. Судя по сокращению посевных площадей, численность земледельческого населения уменьшилась примерно в десять раз; на территорию Ирана переселились многочисленные орды кочевников из Великой степи. Это были в основном тюрки, которые расселились в степях Азербайджана и во внутренних районах Малой Азии; здесь образовался новый кочевой очаг — островок Великой степи посреди области древних цивилизаций. Резкое увеличение доли кочевого населения предопределило существенные изменения социально-экономической структуры общества. С другой стороны, завоевательная волна принесла с собой некоторые элементы китайской государственной традиции: переписи населения, круговую поруку десятков, китайскую систему налогообложения.

После завоевания превалирующими процессами стали процессы нового *социального синтеза*, причем на этот раз синтез протекал с преобладанием кочевых традиций. Первые сорок лет после завоевания характеризуются состоянием анархии, когда постоянные грабежи, насилия и усобицы кочевников не давали возможности для восстановления экономики. Сторонники перенимания местных традиций возобладали лишь при Газан-хане, которому удалось навести порядок и обеспечить крестьянам сносные условия существования. Начался *период восстановления*, который (с перерывами из-за смут) продолжался около сорока лет, для этого времени характерны относительно высокий уровень потребления, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, низкие цены на хлеб, дороговизна рабочей силы.

Идеалом Рашид ад-дина, так же как и Низам ал-мулька, была основанная на справедливости этикратическая монархия. Однако господство завоевателей неизбежно придавало монархии сословный характер, что проявлялось прежде всего в тяжести налогов и повинностей. Характерно, что дороговизна рабочей силы в условиях господства завоевателей привела к прикреплению крестьян к земле. С другой стороны, процесс социального синтеза нашел свое выражение в восстановлении системы икты. Хотя Газан-хан и Рашид ад-дин, так же как Низам ал-мульк, пытались защитить крестьян от произвола владельцев икт, они не смогли этого сделать. Начавша-

яся *традиционалистская реакция* вновь отдала власть в руки кочевников; крестьяне стали крепостными своих хозяев, а икты превратились в полунезависимые владения («союргалы»). Власть ханов ослабела, снова начались междоусобные войны между кочевыми племенами, в конечном счете восторжествовали феодализм и феодальная анархия.

Традиционалистская реакция кочевников прервала процесс восстановления, когда он был еще далек от своего завершения; Сжатие еще не наступило и социальное развитие определялось не демографическими факторами, а этнической и сословной борьбой в процессе социального синтеза. В конечном счете эта борьба привела к распаду государства Хулагуидов, причем в соответствии с расстановкой борющихся сил в Хорасане победили восставшие крестьяне, в Азербайджане одержали верх кочевники, а в Ираке утвердились сторонники продолжения синтеза земледельческих и кочевых традиций. В условиях постоянной угрозы со стороны кочевников Великой степи распад Ирана открывал дорогу новым нашествиям. Нашествие Тимура в 1380-х гг. принесло с собой новую демографическую катастрофу и подвело черту под эпохой Хулагуидов.

Незавершенность периода восстановления и отсутствие признаков Сжатия не позволяет говорить об эпохе Хулагуидов как об обычном демографическом цикле; по-видимому, этот период надо рассматривать как *прерванный цикл*. Периоды 1260–1290-х гг. и 1340–1380-х гг. можно рассматривать как интерциклы, обрамляющие прерванный цикл. При более общем подходе можно интерпретировать всю эпоху Хулагуидов в качестве интерцикла.

11.4. ИРАН В XV В.

После смерти Тимура в 1405 г. началась война между его наследниками, эта война продолжалась пять лет и привела к распаду созданной завоевателем империи. Сын Тимура Шахрук удержал за собой Восточный Иран и Среднюю Азию; Западный Иран и Ирак были захвачены тюркскими кочевыми племенами, которые основали государство Кара-Коюнлу.

Средневековые хронисты изображают Шахрука как мудрого и справедливого государя, правившего по законам ислама. Правление Шахрука было новой попыткой *социального синтеза*, попыткой перенимания традиций исламской государственности. Следуя примеру Газан-хана, Шахрук установил точные размеры податей и пресек произвол сборщиков налогов; по некоторым сведени-

ям, размер хараджа был снижен до $\frac{1}{3}$ урожая. Проводились работы по восстановлению ирригационных систем, был восстановлен разрушенный Тимуром Исфahan¹¹⁶. Историк Доулетшах свидетельствует, что время правления Шахрука было для крестьян временем «успокоения и освобождения от забот»¹¹⁷. Однако масштабы разрушений, принесенных войнами предыдущей эпохи были таковы, что, несмотря на старания Шахрука, экономика страны была не в состоянии достичь домонгольского уровня. Если в X в. в округе Герат насчитывалось 400 селений, то в 1420 г. их было лишь 167¹¹⁸.

Смерть султана Шахрука (1447 г.) привела к новой междоусобной войне, сопровождавшейся жестокими опустошениями. По словам Доулетшаха, следы этих опустошений были видны еще и в его время, в конце XV в.¹¹⁹. Произвол кочевников не раз вызывал народные восстания, которые как и раньше, проходили под лозунгами различных исламских сект и дервишеских орденов. В это время в Средней Азии и Хорасане приобрел большое влияние орден накшбандия; его члены считали за образец жизнь дервишей: молитву, бедность, усердный труд. При благочестивом султанине Абу Са'иде (1451–1469 гг.) шейх накшбандия Ходжа Ахрар стал первым советником государя; он добился отмены «тамги» и некоторых других подачек, запрещенных исламом. Ростовщиков и лихоимствующих сборщиков налогов в правление Ходжи ожидали жестокие казни: их варили в котлах или сдирали с них кожу¹²⁰.

К ордену накшбандиев принадлежали два великих поэта тех времен: Абдуррахман Джамии и Алишер Навои. Навои одно время был везиром султанина Хусейна (1469–1506 гг.)¹²¹. Когда в 1470 г. вспыхнуло восстание в Герате, Навои сумел договориться с восставшими, пообещав им снижение налогов. В своей политике Навои следовал заветам Рашид ад-дина: он точно установил налоги, не допускал незаконных поборов, строил оросительные каналы, караван-сарай, медресе, больницы, бани. Характерно, что В. В. Бартольд сравнивал накшбандиев с европейскими коммунистами; многие стихи Навои

¹¹⁶ Пигулевская Н. В. и др. Указ. соч. С. 233–234; Гафуров Б. Г. Таджики. М., 1972. С. 489–490.

¹¹⁷ Цит. по: Пигулевская Н. В. и др. Указ. соч. С. 234.

¹¹⁸ Там же. С. 93.

¹¹⁹ Цит. по: Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2. М., 1964. С. 154.

¹²⁰ Там же. С. 166–167, 171.

¹²¹ Там же. С. 235.

посвящены обличению насилия и угнетения народа, алчности, погони за наживой. Преемник Навои на посту везира Медж ад-дин, по-видимому, также был связан с накшбандиями (за него просил глава гератских накшбандиев Абдуррахман Джами)¹²². В правление Медж ад-дина Хорасан достиг цветущего состояния; по свидетельству одного из современников, города, подобного столице Тимуридов, Герату, не было во всем мире¹²³. Последняя четверть XV в. была временем развития ремесел; Восточный Иран и Средняя Азия были известны своими тканями, бумагой, изделиями из стекла. В отличие от предыдущего периода в ремесле преобладали свободные работники; ремесленники были объединены в цеха, старшины которых назначались властями. Больших масштабов достигла торговля; XV в. был отмечен оживлением торговли по Великому шелковому пути и по его южному, индийскому, ответвлению. Через Кабул и Кандагар на запад ежегодно направлялись десять-двадцать тысяч индийских купцов с караванами, везшими хлопчатые ткани, кашмирские шали, сахар¹²⁴.

Несмотря на относительные успехи, достигнутые во второй половине XV в., внутреннее положение государства Тимуридов оставалось неустойчивым. Кочевая знать сохраняла свою силу, эмиры и мурзы владели большими союргалами и содержали собственные вооруженные отряды. Крупнейший вассал султана Хусейна, эмир Хосров, мог выставить целую армию в 30 тыс. всадников. Некоторые эмиры обладали личными привилегиями, так называемыми «тарханами», которые давали право в некоторых случаях не подчиняться султану. Смена султанов сопровождалась разорявшими страну междоусобицами. В 1497 г. кочевая знать подняла мятеж, который вверг страну в состояние анархии; пришедшие с севера узбеки овладели Средней Азией, затем началось вторжение кызылбашей, завоевавших Иран. Ожесточенные войны продолжались больше двадцати лет; они сопровождалась массовым истреблением населения, многие города были разрушены, в стране царил голод¹²⁵. В конечном счете правление Тимуридов завершилось новым нашествием кочевников и новой демографической катастрофой.

¹²² Там же. С. 167, 241, 246; Гафуров Б. Г. Указ. соч. С. 514; Пигулевская Н. В. и др. Указ. соч. С. 239.

¹²³ Цит. по: Бартольд В. В. Указ. соч. С. 231.

¹²⁴ Гафуров Б. Г. Указ. соч. С. 494–498; Азимжанова С. А. Государство Бабур в Кабуле и в Индии. М., 1977. С. 44.

¹²⁵ Гафуров Б. Г. Указ. соч. С. 527–528; Пигулевская Н. В. и др. Указ. соч. С. 240–241.

История Ирака и Ирана после монгольского завоевания определялась длительным процессом *социального синтеза*, это была история борьбы кочевых обычаев и традиций земледельческого населения. В западной части региона эта борьба протекала в тех же формах, что и на востоке, хотя конкретные обстоятельства были, конечно, иными.

После распада государства Тимура Ирак был захвачен тюркскими племенами из кочевого объединения Кара-Коюнлу. Вождь Кара-Коюнлу, Кара Юсуф, был истинным кочевником, он был неграмотным, грубым и жестоким, но в то же время отважным в битвах воином. Кара Юсуф щедро раздавал своим соплеменникам добычу и наделял эмиров большими союргалами. После смерти Кара Юсуфа в 1420 г. начались войны и усобицы, орды кочевников грабили и разоряли страну. Войны происходили в обстановке «второго пришествия» чумы, которая опустошала Ближний Восток в 1425, 1431, 1438 гг.¹²⁶. Политическое положение стабилизировалось только в правление Джеханшаха (1435–1467 гг.), которому удалось подчинить кочевых эмиров и прекратить грабежи мирного населения. В 1453–1457 гг. Джеханшах завоевал Западный Иран, эта война сопровождалась новыми опустошениями, особенно пострадали города Султанийэ и Исфакан. В Султанийэ, некогда бывшем столицей Хулагуидов, осталось только семь тысяч жителей, и этот город никогда больше не возродился¹²⁷. Багдад дважды подвергался штурмам, которые сопровождались резней и разрушением многих кварталов. Венецианский посол Барбаро писал, что Багдад, когда-то бывший знаменитым городом, теперь по большей части представляет собой развалины¹²⁸. Свидетельством глубокого экономического упадка Ирака и Ирана в XV в. является малое количество монет, сохранившихся от этого периода¹²⁹.

В 1467 г. Джеханшах погиб в сражении с кочевниками из тюркского племенного союза Ак-Коюнлу. Тюрки Кара-Коюнлу влились в состав Ак-Коюнлу; правителем нового государства стал вождь Ак-Коюнлу Узун Хасан. Узун Хасан (1467–1478 гг.) старался продолжать политику Джеханшаха: он установил точные размеры податей, пытался пресечь произвол сборщиков налогов и прекратить грабежи

¹²⁶ Ashtor E. A Social and Economic History... P. 283.

¹²⁷ Там же. С. 236; Петрушевский И. П. Государства Азербайджана в XV веке // Сборник статей по истории Азербайджана. Баку, 1949. С. 166.

¹²⁸ Цит. по: Ashtor E. A Social and Economic History... P. 283.

¹²⁹ Ashtor E. A Social and Economic History... P. 274.

кочевников. Вероятно, на политику Узун Хасана оказывало влияние соседство могущественной Османской империи — об этом говорит издание свода законов «Канун-наме» (по образцу «Канун-наме» Мехмеда II) и попытки вооружить армию огнестрельным оружием. Сын Узун Хасана Якуб (1478–1490 гг.) намеревался отнять у кочевых эмиров их союзгалы, но неожиданно скончался от яда¹³⁰. После его смерти начались нескончаемые междоусобицы кочевников, за десять лет на престоле сменилось восемь падишахов. Один из этих падишахов, Ахмед, был ставленником османов и, по свидетельству современников, «поступал согласно законам Османской империи»¹³¹. Ахмед «укоротил руки» кочевой знати и «был заботлив о райатах». Знать поднимала мятежи, и Ахмед казнил многих знатных эмиров, но в конце концов погиб в сражении с мятежниками¹³².

Политика Узун Хасана, Якуба и Ахмеда сводилась к перениманию исламских государственных традиций в русле процесса *социального синтеза*. Так же как во времена Низам ал-мулька и Рашид ад-дина, эта политика столкнулась с сопротивлением приверженцев кочевых традиций, с *традиционалистской реакцией*. Правителям Ак-Коюнлу так и не удалось восстановить экономику страны. Обширные, некогда цветущие области продолжали лежать в запустении; венецианский посол Контарини свидетельствовал, что его путь от Тебриза до Исфахана пролегал «все время по бесплодной равнине». В Тебризе, да и повсюду во владениях Ак-Коюнлу, «жизненные припасы были очень дороги»¹³³. В Исфахане и в Багдаде насчитывалось не более 50 тыс. жителей — в несколько раз меньше, чем в прошлом. Единственным городом, сохранившим прежнее значение, была столица Ак-Коюнлу Тебриз. Тимур Тамерлан приложил большие усилия, чтобы перекрыть торговые дороги, идущие через Астрахань и Багдад — в результате, главным перевалочным пунктом на Великом шелковом пути стал Тебриз. Немецкий путешественник Шильтбергер отмечал, что доход шаха с Тебриза «превышает доходы могущественнейшего христианского монарха», «потому что этот город — центр огромных торговых оборотов»¹³⁴. По свидетель-

¹³⁰ Там же. С. 172–180.

¹³¹ Цит. по: Петрушевский И. П. Внутренняя политика Ахмеда Ак-Койюнлу // Сборник статей по истории Азербайджана. Баку, 1949. С. 149.

¹³² Там же. С. 152.

¹³³ Цит. по: Петрушевский И. П. Государства Азербайджана... С. 183.

¹³⁴ Цит. по: Петрушевский И. П. Государства Азербайджана... С. 196.

ству современника, в Тебризе насчитывалось больше 200 тыс. жителей¹³⁵.

Преуспевание Тебриза определялось условиями транзитной торговли и резко контрастировало с царившей окрест бедностью и разрухой. В конечном счете разруха была порождена господством кочевников, их постоянными войнами и усобицами. После смерти падишаха Ахмеда государство Кара-Коюнлу распалось на два враждебных султаната, которые в свою очередь включали владения почти независимых вассальных эмиров. Раздробленный Иран не мог сопротивляться вторжениям извне и вскоре стал добычей новых завоевателей, кызылбашей.

* * *

Переходя к анализу социально-экономического развития Ирана в XV в., необходимо подчеркнуть, что в этот период продолжали сказываться последствия той грандиозной катастрофы, которая была вызвана монгольским нашествием. Главным из этих последствий было образование областей кочевой культуры посреди региона древних земледельческих цивилизаций. Азербайджан, Курдистан, внутренние районы Малой Азии стали очагами, откуда кочевники господствовали над земледельческим населением Ближнего Востока. Многочисленность кочевников обусловила замедленный характер *социального синтеза* и преобладание кочевых традиций. На протяжении двух столетий периоды перенимания исламских государственных традиций перемежались с периодами кочевой реакции и междоусобных войн. Попытки восстановления этатистской монархии сталкивались с попытками порабощения крестьян и установления феодального строя. Войны препятствовали восстановлению экономики и увеличению численности населения, поэтому, на наш взгляд, будет справедливым рассматривать все XV столетие в качестве *интерцикла*.

11.5. МАЛАЯ АЗИЯ МЕЖДУ ДВУМЯ МОНГОЛЬСКИМИ НАШЕСТВИЯМИ

Монгольское нашествие, обрушившееся на Ближний Восток, не миновало и Малой Азии. В 1243 г. двигавшиеся на запад монгольские войска достигли границ Румского султаната. Султан Гияс-эд-

¹³⁵ Там же.

дин Кей-Хюсрев II мобилизовал все свои силы и вышел навстречу противнику с огромной тюркской армией — по разным сведениям, от 70 до 200 тыс. воинов. Монголов было лишь 30 тыс., но тем не менее битва у Кесе-дага завершилась сокрушительным разгромом султанского войска¹³⁶. Как отмечалось выше, причиной впечатляющих побед монголов был созданный ими рефлексирующий лук: этот лук намного превосходил по мощности луки тюрков и других народов.

Как и в других случаях, монгольское нашествие сопровождалось массовым истреблением мирного населения. «...В те дни совершались деяния, достойные слез и плача не только для разумных существ, но и для бессловесных, даже для гор и полей», — писал армянский хронист Вардан¹³⁷. Спасаясь от монголов, тюркские племена бежали на запад, к византийской границе. Восточные области Малой Азии были обращены в пустыню, жители большей частью перебиты, ремесленники уведены в плен. В разоренной стране царил страшный голод¹³⁸.

Кей-Хюсрев II выразил покорность монголам и принял к себе монгольского наместника, «шихне», который сосредоточил в своих руках фактическую власть. Начался новый процесс *социального синтеза*, в котором прежние порядки султаната трансформировались под влиянием порядков, принесенных завоевателями. Завоеватели распространили на Румский султанат монголо-китайскую этатистскую систему управления, принятую во всей огромной Монгольской империи. Эта система подразумевала регулярное проведение переписей, круговую поруку деревень в уплате налогов, введение налога на кочевников («купчур»), рыночной пошлины («тамга») и поземельного налога («калан»), который, по-видимому, на практике совпадал с прежним хараджем. Источники говорят о создании почтовых «ямов» и введении связанных с ними повинностей, а также о том, что налоги, как и во всей империи, сдавались на откупа. Мукта (как и в Иране) по большей части потеряли свои владения, и крестьяне платили налоги непосредственно в казну, т. е. откупщикам, в роли которых выступали сельджукские вельможи¹³⁹. В целом эти изменения можно трактовать как диффузию китайского этатизма. В военной сфере наибольшее значение имело распространение

¹³⁶ Галстян А. Завоевание Армении монгольскими войсками // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 165–166.

¹³⁷ Цит. по: Галстян А. Указ. соч. С. 166.

¹³⁸ Гордлевский В. Указ. соч. С. 37.

¹³⁹ Гордлевский В. Указ. соч. С. 39, 41, 147.

монгольского лука, который впоследствии стал мощным оружием турок в балканских войнах¹⁴⁰.

Оттесненные на запад Малой Азии тюркские племена формально признали власть монголов и обязались платить дань. Однако падение авторитета султанов после разгрома при Кесе-даге сделало племена еще более непокорными, восстания кочевников следовали одно за другим. В 1277 г. 30-тысячное ополчение трех «уджей» во главе с беём Карамана захватило Конью и потребовало от султанского двора вернуться к тюркским обычаям и тюркскому языку. Монголам приходилось защищать своих ставленников-султанов от враждебных племен; эти внутренние войны перемежались с вторжениями египетских мамлюков, и страна снова и снова подвергалась опустошению. О масштабах разрухи говорит то, что в начале XIV в. доходы султанской казны были в пять раз меньше, чем до монгольского нашествия¹⁴¹.

К началу XIV в. более десятка «уджей» западной Анатолии превратились в фактически независимые племенные княжества, «бейлики». Наиболее сильным из этих княжеств был бейлик Караман, который после двух неудачных попыток (в 1315 и 1320 гг.) в конце концов завладел Коньей. Монгольская империя Хулагуидов в Иране в это время стала жертвой кочевой реакции и находилась на грани распада, поэтому анатолийские турки были предоставлены самим себе. Румский султанат прекратил существование, в Малой Азии установилось господство кочевников; племена сражались между собой за пастбища и разоряли поселения земледельцев, города находились в глубоком упадке¹⁴². Об упадке городов в западной части Малой Азии говорят данные о монетном обращении, полученные в результате археологических раскопок (рис. 16). Данные нарративных источников, однако, достаточно противоречивы: ал-Омари писал, что в бейлике Айдын имеется около 60 городов, но Ибн Батута свидетельствует, что большая часть Измира (крупнейшего города этого бейлика) лежала в развалинах¹⁴³.

¹⁴⁰ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы и самострел) VIII–XIV вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Е1–36. М., 1968. С. 13.

¹⁴¹ Гордлевский В. Указ. соч. С. 37–38; Еремеев Д. Е., Мейер М. С. Указ. соч. С. 85.

¹⁴² Еремеев Д. Е. Указ. соч. С. 132; Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Указ. соч. С. 16; Еремеев Д. Е., Мейер М. С. Указ. соч. С. 102–103.

¹⁴³ Жуков К. А. К истории образования османского государства // Тюркологический сборник, 1978. М., 1984. С. 130.

Ибн-Батута, посетивший Малую Азию в 1331 г., отмечал также дешевизну сельскохозяйственных продуктов¹⁴⁴. Цены в особенности резко падали после набегов, когда кочевники распродавали добычу; в таких случаях за мелкую монетку, «акче», на которую обычно давали лишь лепешку, можно было приобрести пять баранов¹⁴⁵. Итальянские купцы в больших масштабах вывозили из анатолийских портов зерно и другие продукты¹⁴⁶. К сожалению, имеющаяся информация о ценах на зерно отрывочна и ограничена прибрежными регионами; насколько можно судить, в конце XIII и в конце XIV вв. цена на пшеницу на черноморском побережье Малой Азии оставалась практически одинаковой, и притом была в три раза меньше, чем в середине XV в.¹⁴⁷ Это, несомненно, говорит об изобилии земельных ресурсов и относительно малой плотности населения в Малой Азии в XII–XIII вв. по сравнению с XV столетием. Об этом же свидетельствуют и данные об уровне арендной платы в Византии: как отмечалось выше, в XIII столетии рента резко упала, и в XIV столетии она оставалась низкой¹⁴⁸. Помимо постоянных междоусобных войн значительную роль, по-видимому, сыграли и эпидемии чумы, начавшиеся в 1348 г. и продолжавшиеся до 1430-х гг. Некоторое представление об экономическом положении в XII–XV вв. дает динамика цен на пшеницу на острове Крит – это единственный случай, когда мы имеем продолжительную серию сопоставимых данных (рис. 23).

Цены на Крите, несомненно, были тесно связанными с ценами на эгейском побережье ввиду малого расстояния и благоприятных условий морской торговли. Критские данные показывают, что, так же как на черноморском побережье, цены в конце XIII и в конце XIV вв. были примерно одинаковы, но в середине XIV столетия имело место повышение цен, после которого они упали примерно на четверть. В рамках теории демографических циклов падение цен к концу XIV в. обычно связывают с уменьшением численности населения в результате чумных эпидемий. Однако, если сравнивать с Западной Европой (где цены упали примерно вдвое¹⁴⁹), то

¹⁴⁴ Гордлевский В. Указ. соч. С. 128.

¹⁴⁵ Там же. С. 128.

¹⁴⁶ Еремеев Д. Е., Мейер М. С. Указ. соч. С. 106.

¹⁴⁷ Карпов С. П. Торговля зерном в Южном Причерноморье в XIII–XV вв. // Византийский временник. 1989. Т. 50. С. 34.

¹⁴⁸ Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2004. С. 267.

¹⁴⁹ См.: Abel W. Crises agraires en Europe (XIIIe–XXe siècles). Paris, 1973. P. 432–433.

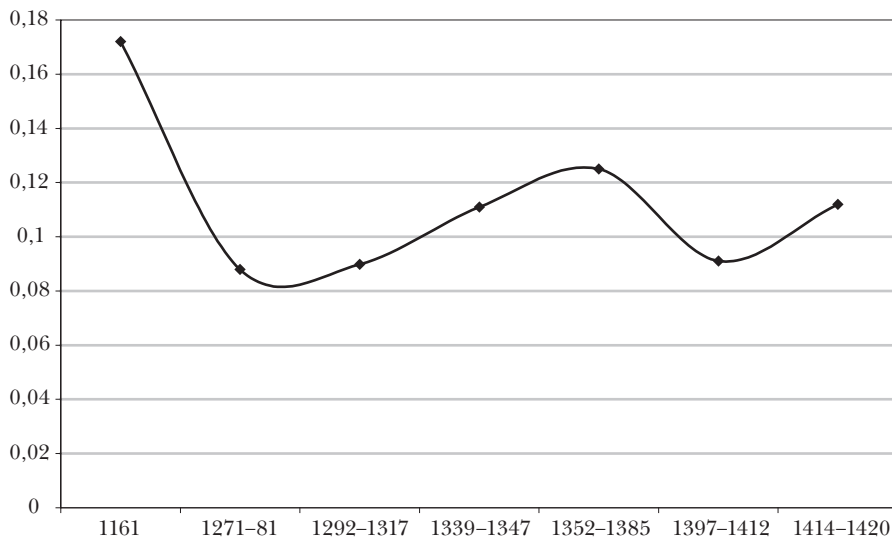

Рис. 23. Динамика цен на пшеницу на острове Крит (в номисмах X в. за морской модий)¹⁵⁰

падение цен на Крите было небольшим, из чего можно сделать вывод, что последствия чумы в эгейском регионе не имели такого катастрофического характера, как в Западной Европе. Это было связано, по-видимому, с тем, что в отличие от Западной Европы эгейский регион в это время не испытывал перенаселения и чума, как и в других странах со сравнительно редким населением, сопровождалась относительно меньшими потерями.

В XIV в. в Малой Азии существовало около двух десятков независимых племенных княжеств, бейликов. Период бейликов был временем кочевой реакции и возврата к племенным традициям; главы племен, беи, как правило, избирались на племенных курултаях¹⁵¹. Осман, бей племени кайа, по имени которого затем стал называться крупнейший бейлик на северо-западе Анатолии, также был избран на племенном совете; по преданию, он жил в палатке и оставил после себя только «несколько славных табунов и овечьих стад». Однако со временем на смену кочевой реакции снова пришли процессы *социального синтеза*. Сын Османа, Орхан (1324–1360 гг.) приблизил к себе советников из числа богословов-улемов, выступавших в роли хранителей мусульманской государственной традиции. Наиболее

¹⁵⁰ Подсчитано по: Morrison С., Cheynet J.-С. Op. cit. Tab. 2, 5.

¹⁵¹ Еремеев Д. Е., Мейер М. С. Указ. соч. С. 90, 112.

известным из этих ученых советников был Чандарлы Халиль Хайр уд-дин, впоследствии, при Мураде I (1360–1389 гг.), ставший первым везиром османского государства. При Орхане и Мураде был осуществлен ряд реформ, направленных на создание административных структур нового государства, появляются министерства, диваны. При участии Хайр уд-дина была налажена работа финансового ведомства и сбор налогов, причем в традициях мусульманского этатизма все завоеванные земли (а таких земель было подавляющее большинство) были объявлены государственными землями (мири)¹⁵². Характерно, что в новых канцеляриях (и при дворе) использовался не турецкий язык, а смешанная персидская и арабская лексика, оформившаяся позднее в так называемый «османский язык» («осман лыджа»). Со времен Сельджуков языком литературы был персидский, а языком религии — арабский, на арабском велась служба в мечетях, прения в шариатском суде и обучение в медресе¹⁵³.

Перенимание мусульманской монархической традиции выразилось в уменьшении роли племенной знати. Если Орхан был избран беом на курултае, то его сын Мурад наследовал престол от отца. После побед на Балканах, в 1383 г., Мурад провозгласил себя султаном и принял титулатуру, ставшую в дальнейшем традиционной для османских правителей¹⁵⁴.

Военные силы нового государства (помимо ополчения кочевников) были основаны на системе пожалований-тимаров, распространение которой также связывают с именем Хайр уд-дина¹⁵⁵. Пожалование тимара заключало в себе право на сбор фиксированной суммы налогов с пожалованных деревень; тимары давались на условии несения военной службы и не передавались по наследству¹⁵⁶. Из более поздних источников известно, что начальный тимар, предоставляемый молодому воину, назывался «кылыдж тимаром» («сабельным тимаром») и обычно давал доход в 1–2 тыс. акче. Владель-

¹⁵² Мейер М. С. К вопросу о происхождении тимара // *Формы феодальной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке*. М., 1979. С. 115.

¹⁵³ Еремеев Д. Е. Указ. соч. С. 153.

¹⁵⁴ Kramers J. H. Murad I // *The Encyclopaedia of Islam*. Online edition // encislam.brill.nl

¹⁵⁵ Мейер М. С. К вопросу о происхождении тимара... С. 115.

¹⁵⁶ Inalcik H. *The Ottoman State: Economy and Society, 1300–1600* // *An economic and social history of Ottoman Empire. 1300–1914*. Cambridge, 1994. P. 114; Еремеев Д. Е., Мейер М. С. Указ. соч. С. 118.

цы тимаров, «сипахи», регулярно вызывались на смотры и должны были являться на коне, в латах и с необходимым снаряжением. Если воин вызывал недовольство командиров, то тимар могли отнять; если сипахи проявил себя в бою, то тимар увеличивали за счет добавочных «долей», «хиссе». Сипахи, получавший отставку по старости или из-за ран, имел право на «пенсионную» часть поместья, «текайюд». Если сын поступал в службу вместо отца, то он наследовал не все отцовское поместье, а лишь «кылыдж тимар». Офицеры получали большие тимары, «зиаметы», с доходом до 20 тыс. акче, но при этом обязывались выставлять дополнительных воинов, легких всадников-«гулямов» или латников-«джебелю», из расчета один гулям на полторы-две тысячи акче дохода или один латник на три тысячи акче дохода. Тимар считался государственной собственностью, и воин имел право лишь на получение денежных сумм, указанных в поземельном реестре, дефтере¹⁵⁷.

Тимарная система, была, безусловно, образцовой системой, предназначенной для содержания тяжеловооруженных всадников; после османских побед XV столетия она была перенята в соседних странах, в том числе в Персии и в России. Однако происхождение этой системы остается дискуссионным вопросом, так как не вполне ясно, как она выглядела в начальной стадии своего существования, и возможно, что тимары в различных бейликах отличались друг от друга¹⁵⁸. Во всяком случае известно, что в бейлике Караман тимар был очень схож с классической иктой, а в эгейских бейликах этот институт испытал некоторое влияние византийской пронии¹⁵⁹. Однако каково бы ни было это влияние основной принцип тимариотского держания – предоставление сипахи фиксированной суммы налогов без каких-либо прав на землю – вел свое происхождение от икты, и следовательно, мы можем рассматривать тимарную систему как восстановление (возможно, с некоторыми вариациями) сельджукской системы военных пожалований. Известно, что в XV

¹⁵⁷ Книга законов султана Мехмеда II Фатиха // Аграрный строй Османской империи в XV–XVII веках. Документы и материалы. М., 1968. С. 22–23; Трактат Али Чауша из Софии о тимариотской организации в Османской империи // Там же. С. 101, 111.

¹⁵⁸ См.: Жуков К. А. Проблема происхождения тимара в современной историографии // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1983. С. 79–83; Мейер М. С. К вопросу о происхождении тимара... С. 110–120.

¹⁵⁹ Еремеев Д. Е., Мейер М. С. Указ. соч. С. 104.

в. при переводе на турецкий язык сельджукских текстов слово «икта» заменялось словом «тимар»¹⁶⁰.

С именем Хайр уд-дина связано также и восстановление гвардии гулямов, которых теперь стали называть янычарами («ени чери» — «новые солдаты»). Так же как сельджукских гулямов, янычар набирали из числа пленных юношей; эти юноши считались «рабами дворца», «капыкулу», они воспитывались в тюркских семьях, а затем проходили военную подготовку в казармах¹⁶¹. Однако в отличие от гулямов янычары были пешими (а не конными) лучниками; в этом изменении военной специализации, по-видимому, отразились военно-тактические изменения, произошедшие в XIV в. В этот период выяснилось, что перенятый турками мощный монгольских лук может эффективно применяться не только всадниками, но и пехотинцами, и в особенности пехотинцами, находящимися на позиции, укрепленной рвом, частоколом и большими щитами-сипарами. Эта новая тактика была подобна той, которую применяли англичане в битвах при Кресси и Пуатье. На Востоке она широко использовалась Тимуром, который перед боем спешил часть своих всадников и превращал их в лучников-пехотинцев¹⁶². Пехота занимала укрепленную центральную позицию, а конница маневрировала впереди и на флангах, стараясь заманить противника на укрепления. Характерным примером такой тактики была битва при Никополе, когда атаки рыцарей разбивались об укрепления янычар, а затем ошеломленных врагов добивала кавалерия сипахи.

Турки усовершенствовали монгольские луки, немного уменьшив их размер и увеличив их мощность (пехотинцы могли использовать более мощные луки, чем всадники)¹⁶³. Выучка турецких лучников, по-видимому, не уступала искусству монгольских стрелков, и так же как у монголов, постоянная тренировка способствовала развитию мышц рук. «С восьми или даже с семи лет они начинают стрелять по мишеням, — писал имперский посол Эселин де Бусбек, — и практикуются в стрельбе из лука десять или двенадцать лет. Это постоянное упражнение усиливает мускулы их рук и дает

¹⁶⁰ Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Указ. соч. С. 43.

¹⁶¹ Петросян И. Е. К истории создания янычарского корпуса // Тюркологический сборник. 1978. М., 1984. С. 192–193.

¹⁶² Разин Е. А. История военного искусства. Т. II. М., 1994. С. 234.

¹⁶³ Paterson W. F. The Archers of Islam // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1966. Vol. 9. P. 82, 85, 86.

им такой навык, что они могут поражать своими стрелами самые маленькие цели»¹⁶⁴.

При Мураде I янычар было сравнительно немного — несколько тысяч воинов. Позже янычар стали принудительно набирать по системе «девширме» из среды христианского населения, что позволило увеличить численность корпуса. Система «девширме» в принципе мало отличалась от позднейших рекрутских наборов в европейских странах (например, в России); разница состояла разве лишь в том, что набирали более молодой контингент — юношей в возрасте от 14 лет. Это позволяло воспитывать в солдатах отвагу и приучать их к дисциплине, но в целом корпус янычар был во многом подобен более поздним европейским регулярным армиям. Характерно, что, подобно солдатам позднейших армий, янычары носили форменную одежду со знаками различия, указывающими на воинское звание¹⁶⁵.

Однако контингенты пехотинцев-лучников, помимо янычар, включали части «яя» и «азебов». «Яя» были военными поселенцами, набранными из молодых турок; им давали наделы земли, и они были организованы в общины-«очаги» по 30 семей, которые ежегодно выставляли 5 воинов. «Азебы» были воинами, которых выставляло население на время военной кампании. Именно яя и азебы составляли наиболее многочисленные пехотные части османской армии; по данным хроники (возможно, преувеличенным), в сражении на Косовом поле в 1389 г. участвовало 60 тыс. воинов яя и 40 тыс. азебов, в то время как янычар было только 2 тыс.¹⁶⁶.

Появление яя и азебов в известной степени было отражением процесса оседания кочевников-турок на землю, эти контингенты формировались из оседлых земледельцев. Из военных поселенцев, подобных яя, но еще сохранявших навыки степных наездников, формировались конные части мюселем. Исследователи сравнивают мюселемов с византийскими стратиотами¹⁶⁷. Что касается кочевого населения, то оно по-прежнему поставляло племенные ополчения, состоявшие из легких всадников и делившиеся на десятки, сотни и тысячи. Кроме того, война привлекала множество вольных кочевников, «акынджи» (буквально «участник набега»), собиравшихся

¹⁶⁴ Цит. по: Andrea / Overfield A. The Human Record: Sources of Global History. Vol. 1 to 1700. (5th ed.) P. 89.

¹⁶⁵ Введенский Г.Э. Янычары. История. Символика. Одежда. СПб., 2003. С. 157.

¹⁶⁶ Петросян И. Е. К истории создания... С. 192, 197; An economic and social history... P. 91–93...

¹⁶⁷ Ibid. P. 91.

в дружины вокруг пограничных беев и живших набегам на христианские области¹⁶⁸.

В целом османская военная система XIV в. базировалась на освоении турками мощного монгольского лука. Эта система давала османам существенные преимущества при столкновениях с противниками, не имевшими этого оружия, т. е. с христианскими государствами Балканского полуострова. В известном смысле турецкое наступление на запад было продолжением монгольских завоеваний. В 1354 г. турки переправились на Балканы и укрепились в Галиполи, в 1361 г. они овладели Адрианополем, в 1371 г. разбили сербов на реке Марице, а в 1389 г. — в большой битве на Косовом поле. После этого сражения болгарские земли были заняты османами, а Сербия стала их вассалом. Завоевание Балкан осуществлялось в значительной степени силами кочевых ополчений, и осколки разных племен вместе с «акынджи» создавали на новых территориях маленькие бейлики, которые неохотно подчинялись османским властям. Земли бейликов считались собственностью их беев (мульком)¹⁶⁹. Как и все войны кочевников, война на Балканах сопровождалась опустошением земель, истреблением населения и массовым угоном пленных. Вслед за разрухой приходили эпидемии и голод. «...Наступил голод такой по всем странам, какого не было от сотворения мира», — писал греческий монах Исайя¹⁷⁰.

В правление Баязида I (1389–1402 гг.) сложилась практика, когда после завоевания той или иной области проводилась высылка (сургун) части населения (прежде всего местной знати) в Анатолию. После этого производилась перепись оставшегося населения и составлялся дефтер, в котором указывались налоги, возлагаемые на крестьян¹⁷¹. Затем часть деревень отдавалась в тимары турецким воинам, а другая часть становилась султанской (хассе) или государственной собственностью (мири). На опустевшие земли переселялись кочевники и крестьяне из Малой Азии. Таким образом, Фракия, Македо-

¹⁶⁸ Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Указ. соч. С. 20, 27.

¹⁶⁹ Орешкова С. Ф. Государственная власть и некоторые проблемы формирования социальной структуры османского общества // Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1986. С. 11.

¹⁷⁰ Цит. по: Петросян Ю. А. Османская империя. Могущество и гибель. М., 1990. С. 23.

¹⁷¹ Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Указ. соч. С. 38; Еремеев Д. Е., Мейер М. С. Указ. соч. С. 120; Градева Р. О некоторых проблемах формирования османской системы управления // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990. С. 46.

ния и Восточная Болгария стали областями со значительной долей мусульманского населения¹⁷².

К правлению Баязида I относится также и появление системы «капыкулу» — использование «рабов дворца» не только на военной, но и на государственной службе¹⁷³. Как известно, эта система восходит к Аббасидам, и она была описана в трактате Низам ал-мулька; она применялась и Сельджукидами, хотя и не так последовательно, как османами.

Подчинив значительную часть Балканского полуострова, Баязид I попытался присоединить к своим владениям турецкие бейлики в западной части Малой Азии. Однако в войне на востоке османы не обладали военным превосходством, и вскоре им пришлось столкнуться с могущественным эмиром Тимуром, владыкой Средней Азии и «восстановителем» Монгольской империи. В 1402 г. армия Баязида была разгромлена в битве при Анкаре, и Малая Азия подверглась жестокому опустошению войсками Тимура. Османское государство было поделено завоевателем между четырьмя сыновьями Баязида. В политическом и экономическом отношении развитие было отброшено на полвека назад: снова наступило время разрухи, междоусобных войн и кочевой реакции.

Двадцатилетняя междоусобная война в конечном счете стала столкновением между силами кочевой реакции и силами, поддерживавшими этактистскую монархию, созданную Мурадом I. Кочевников и акынджи возглавляли племенные и пограничные беи, а на стороне центральной власти выступали янычары и сипахи¹⁷⁴. Янычары продемонстрировали свое военное превосходство над акынджи; наиболее показательной в этом отношении была битва у горы Улубад, когда 500 янычар султана Мурада II разгромили 5-тысячный отряд претендента Мустафы¹⁷⁵. В конце концов Мураду II удалось объединить государство и подчинить беев, но они сохранили свои владения и свои дружины и оставались могущественной силой.

* * *

Переходя к анализу истории Малой Азии в XIII—XIV вв., необходимо отметить, что монгольское завоевание привело к новому про-

¹⁷² Inalcik H. *Op. cit.* P. 14; Еремеев Д. Е., Указ. соч. С. 137.

¹⁷³ Еремеев Д. Е., Мейер М. С. Указ. соч. С. 120.

¹⁷⁴ Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Указ. соч. С. 29–31.

¹⁷⁵ Жуков К. А. Эгейские эмираты в XIV—XV вв. М., 1988. С. 131.

цессу *социального синтеза* и усвоению тюрками некоторых монголо-китайских институтов, но наиболее важным было взятие на вооружение монгольского лука. Вскоре, однако, синтез сменился новым периодом тюркской кочевой реакции, и Румский султанат распался на племенные бейлики. Лишь через полвека междуусобных войн наметился процесс объединения Анатолии под властью сильнейшего из бейликов — бейлика Османов. Османы использовали монгольский лук для завоеваний на Балканах и таким образом увеличили свои силы в борьбе с другими бейликами. В процессе завоевания происходила реставрация этатистских и бюрократических традиций Румского султаната, и государство Баязида I в целом напоминало монархию сельджуков султанов.

Что касается демографического фактора, то в описываемый период он не играл большой роли. Долгий период междуусобных и внешних войн сопровождался чумными эпидемиями, и наконец последовало губительное нашествие Тимура. В силу этих обстоятельств плотность населения в Анатолии оставалась на сравнительно низком уровне, и демографический фактор не оказывал на исторический процесс заметного влияния. В целом весь длительный период истории тюркских областей Малой Азии в XII—XIV вв. можно считать *интерциклом*.

11.6. ЕГИПЕТ ПРИ ТЮРКСКИХ МАМЛЮКАХ

Возвращаясь к истории Египта, нужно напомнить, что завоевание страны тюрками и курдами и последовавшее затем развитие системы икты вызвало экосоциальный кризис и демографическую катастрофу 1200–1202 гг. Однако в отличие от султаната Великих Сельджуков кризис не повлек за собой распада государства и перехода власти в руки тюркского военного сословия. Это отчасти объяснялось тем, что тюрков в Египте было сравнительно немного, что они были перемешаны с курдами и другими кочевниками, а также и тем, что обстановка крестовых походов побуждала военное сословие к сплочению. Кроме того, в Египте существовала сильная этатистская традиция, и султаны из династии Айюбидов нашли противовес тюркским мукта в виде восстановленной гвардии гулямов. Новых гулямов называли мамлюками, корпус мамлюков пополнялся за счет половецких юношей-рабов, привозимых итальянскими купцами из Крыма. Этих юношей обращали в ислам, учили воинскому мастерству и воспитывали в духе преданности командирам. Командиры мамлюков (эмиры) получали икты, $\frac{2}{3}$ доходов с кото-

рых должны были тратить на содержание своих воинов, однако никакой наследственности должностей и икт среди мамлюков не существовало, эмиры выдвигались за их воинские заслуги. Кроме мамлюков, в состав военного сословия входили воины «халка»; это были свободные воины, получавшие на время службы небольшие икты с доходом в 10–20 тыс. дирхемов¹⁷⁶.

Обстановка после катастрофы 1200–1202 гг. характеризуется резким падением цен, однако стабилизация наступила не сразу. В 1218 г. в Египет вторглись крестоносцы, которые в ходе пятого крестового похода взяли Дамьетту и в течение трех лет разоряли Дельту. Результатом этого вторжения был большой голод 1220–1221 гг., когда цена превышала 10 динаров за центнер¹⁷⁷. Восстановление экономики началось при султানে Камиле (1218–1238 гг.); историк Макризи сообщает, что в этот период Египет снова достиг процветания¹⁷⁸. В конце правления Камиля нормальная цена пшеницы составляла около 0,7 динаров за центнер¹⁷⁹, при уровне месячной зарплаты неквалифицированного рабочего в 2 динара на дневной заработок можно было купить 11,4 кг зерна.

Однако в конце правления султана ас-Салиха (1240–1249 гг.) в Египет снова вторглись крестоносцы во главе с королем Франции Людовиком IX (седьмой крестовый поход). Завоеватели овладели Дамьеттой и Мансурой и снова разорили Дельту. Это было время военных бедствий и голода, приведшего к гибели значительной части населения. После этой катастрофы цены на зерно упали почти вдвое, до 0,4 динара за центнер пшеницы.

Обстановка тяжелой войны привела к усилению влияния мамлюкской гвардии. Так же как в халифате Аббасидов, гвардия стала претендовать на власть. В 1250 г. мамлюки убили Туран-шаха, последнего султана династии Айюбидов. Начался мамлюкский период истории Египта¹⁸⁰. Захватив власть, мамлюки установили военную диктатуру, просуществовавшую два с половиной столетия. В период правления мамлюков султаны возводились на престол по соглашению мамлюкских эмиров или путем военных переворотов. Между военным сословием и крестьянством существовала резкая грань, отличительной чертой мамлюков и халка было право носить ору-

¹⁷⁶ Семенова Л. А. Салах ад-дин и мамлюки... С. 55–57.

¹⁷⁷ Зеленев Е. И. Указ. соч. С. 115–116; Большаков О. Г. Указ. соч. Табл. 6.

¹⁷⁸ Цит. по: Семенова Л. А. Указ. соч. С. 89.

¹⁷⁹ Большаков О. Г. Указ. соч. Табл. 6.

¹⁸⁰ Зеленев Е. И. Указ. соч. С. 116–118.

жие и выезжать верхом на коне. Крестьяне были прикреплены к земле и подвергались жестокой эксплуатации¹⁸¹.

Однако захват власти военным сословием поначалу не привел к внутренним смутам и ослаблению монархии. Наоборот, начавшееся в это время наступление монголов, так же как в Индии, вызвало консолидацию военного сословия вокруг мамлюкских полководцев-султанов. В 1258 г. монголы овладели Багдадом, и волна монгольских завоеваний приблизилась к границам Египта. В 1260 г. мамлюки встретились с монголами в битве при Айн-Джалуте; следуя старой тюркской тактике, мамлюки ложным бегством навели монголов на засаду, которая внезапным ударом навязала монгольским лучникам сабельный бой. Сабельная тактика тюрок на этот раз одержала верх, но поражение монголов не было решающим. Хулагу-хан собирался обрушиться на Египет со всем своим огромным войском, и мамлюков в действительности спасли не их сабли, а смерть великого хана Монкэ и начавшиеся затем междоусобицы среди монгольских правителей¹⁸².

Достигнутая на время политическая стабильность способствовала экономическому восстановлению Египта. При Бейбарсе (1260–1277 гг.) велось интенсивное строительство в Каире и Александрии, султан заботился о поддержании в порядке ирригационных сооружений и строил новые каналы. Правление Калауна (1280–1290 гг.) вошло в историю как «золотой век» мамлюкской эпохи. Цены на зерно оставались низкими, а заработная плата была высокой. В это время продолжалось интенсивное строительство в Каире, был проведен большой ирригационный канал в Бухайре. В конце XIII в. общая сумма хараджа составляла 10,8 млн военных динаров, или около 3 млн обычных динаров, — сумма, соответствующая уровню сборов до катастрофы 1200 г.¹⁸³

После смерти Калауна снова началась борьба различных военных группировок, за десять лет сменилось четыре султана. Пользуясь ослаблением власти, эмиры мамлюков захватывали икты воинов и препятствовали сбору казенных налогов. Пытавшийся навести порядок султан Ладжин был убит. Обстановка стабилизировалась только при властном султанине ан-Насире (1299–1340 гг.), который сумел восстановить дисциплину в армии; ан-Насир без разговоров отнимал икты у провинившихся воинов и казнил тех, кто

¹⁸¹ Семенова Л. А. Указ. соч. С. 103–104; Зеленев Е. И. Указ. соч. С. 131.

¹⁸² Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. III. М. — Л., 1941. С. 52–54.

¹⁸³ Семенова Л. А. Указ. соч. С. 105. Для пересчета военных динаров в обычные используется метод, предложенный О. Г. Большаковым: Указ. соч. С. 222.

осмеливался ему перечить. В 1314 г. султан провел земельную реформу, увеличившую долю государственных (султанских) земель и значительно сократившую икты. После реформы ан-Насира государству принадлежали доходы с 10 из 24 областей Египта, таким образом, в стране снова появился значительный государственный сектор землевладения¹⁸⁴.

Необходимо отметить, что реформы Насира проводились примерно в одно время с реформами Ала уд-дина в Делийском султанате и, так же как индийские реформы, характеризовались усилением этатизма, восстановлением государственной дисциплины и государственного регулирования, созданием обширного государственного сектора экономики. Нет сомнения в том, что суть этих преобразований состояла в частичной трансформации по образцу монголо-иранской державы Хулагуидов: победы монголов заставляли их противников заимствовать монгольские порядки.

Положение в экономике в правление ан-Насира было достаточно напряженным, частые голодные годы заставляли султана принимать меры против спекуляции, фиксировать цены на зерно и ввозить пшеницу из Сирии. Эти мероприятия позволяли долгое время поддерживать реальную заработную плату на уровне около 7 кг зерна в день. Огромные усилия прилагались для орошения новых земель: на постройке Александрийского канала было занято 100 тыс. мобилизованных крестьян, было орошено 100 тыс. федданов земель, на берегах канала возникло множество селений и даже несколько городов. На строительстве плотины близ Гизы было занято 12 тыс. человек, после проведения канала у Сириакуса было построено 40 новых деревень — число примеров такого рода достаточно велико. Ан-Насир пытался поддержать земледельцев, отменял незаконные поборы и снимал с должностей вводивших их наместников; тем не менее положение крестьян оставалось тяжелым¹⁸⁵. Известный географ и путешественник Ибн Батута был удивлен высоким уровнем налогового обложения в Египте¹⁸⁶.

К эпохе ан-Насира относится новый расцвет египетских городов. Ибн Батута называет Каир «матерью всех городов», городом, бесподобным по красоте и величию. Одних водовозов в Каире, по Ибн Батуте, было 12 тыс.¹⁸⁷. По некоторым, по-видимому, силь-

¹⁸⁴ Там же. С. 59–61; Зеленев Е. И. Указ. соч. С. 134–140.

¹⁸⁵ Там же. С. 141; Семенова Л. А. Указ. соч.

¹⁸⁶ Цит. по: Семенова Л. А. Указ. соч. С. 89, 104.

¹⁸⁷ Цит. по: Олридж Дж. Каир. М., 1970. С. 302.

но преувеличенным, известиям, население Каира в это время составляло около миллиона жителей; в городе скопилось множество беженцев, уходивших из областей, завоеванных монголами¹⁸⁸. Каир, Тиннис, Дамьетта были известными ремесленными центрами, египетские шелковые и льняные ткани в больших количествах вывозились в Европу. Распад державы Ильханов привел к перемещению торговых путей, и Египет стал воротами между Европой и Азией¹⁸⁹. В Каире и Александрии были особые кварталы, населенные итальянскими купцами из Венеции, Генуи, Пизы. Пряности из Индии и Индонезии, шелк, фарфор, мускус из Китая доставлялись мусульманскими купцами в порты Красного моря, откуда перевозились в Каир и Александрию, где их продавали итальянцам. Монополия торговли пряностями на территории Египта принадлежала наследственной корпорации купцов-каремитов, каремиты владели большим флотом и занимались банковскими операциями, это были богатейшие люди Востока. Государство получало с купцов пошлину в десятую часть их товара; торговые пошлины постепенно становились все более весомой частью государственного дохода¹⁹⁰.

Экономическое и политическое положение Египта оставалось стабильным вплоть до смерти султана ан-Насира в 1341 г. Затем начались смуты и междоусобицы, за семь лет сменилось шесть султанов. Цены быстро росли, реальная заработная плата упала и приблизилась к критическому уровню (см. рис. 22). В 1347 г. в Египет пришла «Черная смерть», страшная эпидемия чумы за два года погубила треть населения Египта. Чума неоднократно возвращалась; к концу XIV в. из-за отсутствия рабочих рук площадь обрабатываемых земель сократилась в пять раз, государственные доходы сократились в десять раз. Начался новый период истории Египта.

* * *

Переходя к анализу социально-экономического развития Египта в описываемый период, необходимо отметить, что вызванный распространением икты кризис начала XIII в. в отличие от аналогичного кризиса в державе Великих Сельджуков не привел к распаду египетского государства. Монархия противопоставила тюркским и курдским иктадарам гвардию мамлюков, а затем в Египте

¹⁸⁸ Там же. С. 76.

¹⁸⁹ Ashtor E. *Levant Trade in the Later Middle Ages*. Princeton, 1983. P. 63.

¹⁹⁰ История стран зарубежной Азии... С. 376–377; Семенова Л. А. Указ. соч. С. 167.

стали сказываться последствия монгольского наступления в Евразии. Победы монголов породили диффузионную волну заимствований, компонентами которой были самодержавие, легистская государственная дисциплина и государственное регулирование.

Результатом реформ ан-Насира стало усиление этицизма и государственной дисциплины, восстановление государственного сектора в экономике, перераспределение икт (трансформация СВ^с). Икты сохраняли характер служебных пожалований, они не передавались по наследству и могли быть отняты.

В первой половине XIII в. Египет дважды подвергался опустошительному вторжению крестоносцев, экономическая ситуация определялась в этот период не демографическими, а военными факторами. В мирные годы низкая численность населения обуславливала низкие цены и высокую заработную плату, но жестокие войны приводили к голоду и демографическим катастрофам. В целом время с 1200 до 1260-х гг. мы можем характеризовать как *интерцикл* — период, когда войны препятствуют восстановлению хозяйства, возрастанию численности населения и началу нового демографического цикла. *Период восстановления* начался только в 70-х гг. XIII в.; для этого времени характерны относительно высокий уровень потребления, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, низкие цены на хлеб. В начале XIV в. появляются признаки *Сжатия*: сообщения о голоде, рост городов, бурное развитие ремесел и торговли, попытки проведения этицистских реформ, строительство ирригационных систем с целью освоения новых земель, фрагментация элиты, борьба за статусные позиции в среде элиты, обострение борьбы за ресурсы между государством и элитой. После смерти ан-Насира различные фракции элиты вступили в борьбу за распределение ресурсов, что привело к нарушению экономической жизни. В середине XIV в. Сжатие завершилось *демографической катастрофой* — эпидемией «Черной смерти».

К конечному счету кризис привел к падению этицистской монархии ан-Насира, на ее место пришла слабая феодальная монархия (трансформация СВ^сАс)

11.7. ЕГИПЕТ ПРИ ЧЕРКЕССКИХ МАМЛЮКАХ

Катастрофа середины XIV в. привела к разрушению основных структур мамлюкского государства. В стране царил хаос, перевороты и мятежи следовали один за другим, редкому правителю уда-

валось удержаться на троне больше двух лет. О дисциплине не могло быть и речи, воины отказывались исполнять службу. Крестьяне погибали от чумы или бежали куда глаза глядят, поля не обрабатывались, и разорившиеся владельцы икт продавали их тому, кто мог заплатить. Были случаи, когда икты воинов покупали портные или сапожники, в списках военного дивана числилось множество лиц, не способных исполнять службу¹⁹¹.

В конечном счете анархия привела к смене правящей военной группировки, на смену тюркским мамлюкам пришли черкесы, казармы которых располагались в каирской цитадели. В отличие от своих предшественников черкесские султаны не были самодержавными монархами, они выбирались советом высших эмиров и решали все дела с согласия совета¹⁹². Это было олигархическое правление военной знати, но знать не желала жить в согласии, эмиры постоянно затевали распри и устраивали резню на улицах столицы.

При черкесских мамлюках восторжествовало право сильного, икты стали полной собственностью воинов, которые делали с крестьянами все, что хотели. «Земледелец, живущий в деревне... является рабом владельца икты, которому принадлежит эта область, — свидетельствует историк Макризи. — И он не может надеяться, что когда-нибудь будет продан или освобожден: напротив, он навсегда осужден оставаться рабом, так же как и его дети»¹⁹³. Нужно отметить, что, несмотря на фактическое порабощение крестьян, хозяева не могли их продавать, но за бегство от хозяина по закону полагалась смертная казнь. Крестьяне ненавидели своих господ, но вспыхивавшие иногда восстания не принимали больших масштабов: феллахи были запуганы террором, безоружны и беззащитны перед мамлюкской конницей¹⁹⁴.

Крупные эмиры, как правило, ничего не платили в казну; они чувствовали себя самостоятельными владельцами и захватывали земли рядовых воинов. Владельцам мелких икт приходилось платить эмирам особые взносы за «покровительство»¹⁹⁵. Положение рядовых воинов было незавидным: их поля некому было обрабатывать, и их реальный доход был много меньше дохода (ибра),

191 Семенова Л. А. Указ. соч. С. 66, 128, 131.

192 Зеленев Е. И. Указ. соч. С. 144–145.

193 Цит. по: Семенова Л. А. Указ. соч. С. 135.

194 Там же. С. 135, 142.

195 Там же. С. 136, 140.

указанного в реестрах военного дивана (этот доход определялся, исходя из площади, пригодной для посева). На смотре 1393 г. один из опрашиваемых воинов ответил, что его икта имеет ибра в 600 динаров, но реальный доход составляет лишь 3 тыс. дирхемов (150 динаров. — С. Н.), из которых 2 тыс. забирает казна в качестве налога. Примерно такой же ответ дал другой воин, после чего смотр был прекращен. Отсюда становится ясным, что официальные цифры доходов, указанные, например, в кадастре Ибн Джиана (1376 г.), далеко не соответствовали реальности (согласно этому кадастру харадж составлял 2,6 млн динаров, а посевные площади — 3,2 млн федданов¹⁹⁶).

В 1410-х гг. султан Муаййад Шайх, во внимание к бедности воинов, разрешил им объединяться в группы по три-четыре человека и нести службу по очереди. Многие из воинов продавали свои икты и пытались прокормиться ремеслом или мелкой торговлей. «И сейчас воины халка почти все стали ремесленниками», — пишет Макризи¹⁹⁷. «Число халка стало уменьшаться, — продолжает историк, — теперь оно мало, примерно тысяча воинов; мамлюки султана теперь тоже в небольшом числе...»¹⁹⁸. Проданные икты воинов становились частными землями (мульк или ризк); на протяжении XV в. площадь земель икт сократилась примерно вдвое, а количество частных земель намного возросло¹⁹⁹. В прежние времена в Египте практически не было частных земель, к началу XVI в. в землевладении появился значительный частный сектор.

Полтора столетия, с середины XIV до начала XVI вв. прошли под знаком «Черной смерти». Чума постоянно возвращалась: за этот период произошло 18 вспышек эпидемии; некоторые из них были сравнимы с катастрофой 1348 г. Города пустели, количество ткачей в Каире за 1394–1434 гг. уменьшилось с 14 тыс. до 800 человек. Эпидемия 1403 г. унесла в Кусе жизни 17 тыс. горожан²⁰⁰. Крестьяне, несмотря на запреты, бежали из пораженных чумой деревень, становились нищими, умирали на дорогах. Ал-Макризи утверждает, что высокая эпидемическая смертность была следствием нищеты

¹⁹⁶ Большаков О. Г. Указ. соч. С. 219, 220. У Ибн Джиана указана цифра 9,6 млн военных динаров, О. Г. Большаков, пересчитывая эту цифру в обычные динары, получает 2,6 млн.

¹⁹⁷ Цит. по: Семенова Л. А. Указ. соч. С. 128.

¹⁹⁸ Цит. по: Семенова Л. А. Указ. соч. С. 132.

¹⁹⁹ История Востока. Т. 2. С. 520.

²⁰⁰ Зеленев Е. И. Указ. соч. С. 141, 150; История Востока. Т. 2. С. 523.

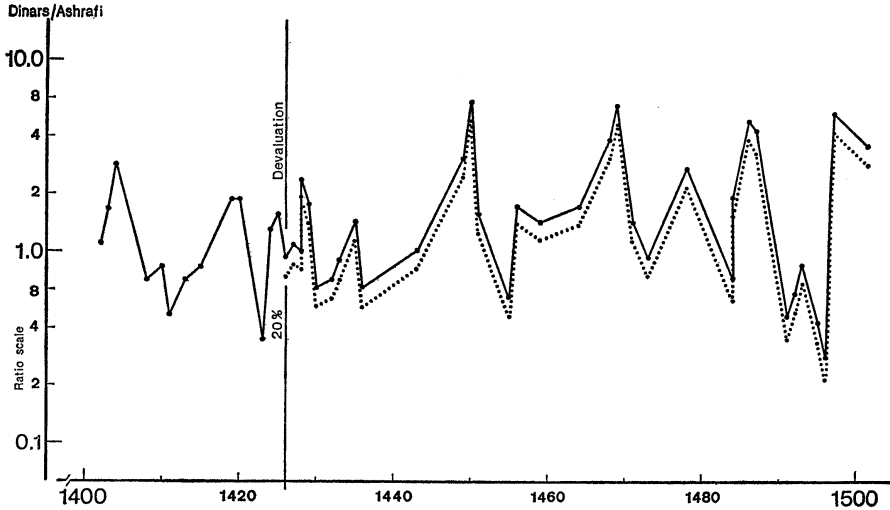

Рис. 24. Цены в Египте в XV в.²⁰¹ Пики цен соответствуют годам эпидемий, голода и внутренних смут – кризисы подобного рода происходили на протяжении столетия постоянно, с интервалом примерно в 20 лет. Таким образом, мы наблюдаем картину, характерную для интерцикла

египетских крестьян, следствием хронического недоедания, которое было результатом безжалостной эксплуатации²⁰². «И была близка к разорению египетская земля... — свидетельствует хронист. — Опустели многие селения»²⁰³. Как отмечалось выше, в конце XIV в. площадь обрабатываемых земель была в пять раз меньше, чем в начале столетия; источники отмечают упадок ирригации, ветхое состояние плотин²⁰⁴.

Помимо чумы важной причиной экономического упадка было наступление кочевников. Кочевники захватывали земли, обезлюдевшие из-за чумы, и, пользуясь слабостью властей, совершали набеги на сельскохозяйственные деревни. Разоренные крестьяне, в свою очередь, собирались в разбойничьи отряды и присоединялись к кочевникам в их набегах. Выступления кочевников и крестьян все более принимали характер восстаний, во второй половине XV в. бедуйнские и крестьянские восстания имели место в 1461–

201 Ashtor E. A Social and Economic History... P. 314.

202 Ashtor E. A Social and Economic History... P. 297–298.

203 Цит. по: Семенова Л. А. Указ. соч. С. 140.

204 Там же. С. 139.

1462, 1467–1469, 1471–1472, 1475, 1485, 1487, 1498 гг. Разорение деревень в ходе подавления восстаний, в свою очередь, вызывало голод и новые вспышки эпидемии²⁰⁵.

С ослаблением власти пришел в упадок механизм сбора налогов; налоги повсеместно отдавались на откуп («ильгизам») и откупщики грабили крестьян как могли, присваивая собранные суммы²⁰⁶. Государственные доходы резко сократились, и, испытывая нужду в деньгах, черкесские султаны прибегали к порче монеты; с начала XV в. египетские динары не имели твердого курса, и население предпочитало европейские дукаты. Обороты европейской торговли пряностями к этому времени достигали 1 млн дукатов, и сотрудничавшие с европейцами купцы-каремиты получали огромные прибыли²⁰⁷. Чтобы пополнить свою казну, султан Барсбей в 1428 г. монополизировал торговлю пряностями и вдвое повысил цены. Купцы-каремиты были разорены; Венеция и Арагон угрожали султану войной, но в конце концов европейским купцам пришлось смириться. Египетские султаны стали получать огромные прибыли от посреднической торговли, доходы Барсбея достигали 4,2 млн динаров²⁰⁸. Султан Каитбей (1468–1496 гг.) использовал богатства своей казны для организации обширных строительных работ, по его приказу строили укрепления, дороги, мечети, был проложен большой оросительный канал. Средняя цена пшеницы в это время составляла 0,5 динаров за центнер, а заработная плата — около 3,3 динаров в месяц²⁰⁹. На дневную зарплату можно было купить 26 кг пшеницы; после многочисленных эпидемий в городах не хватало рабочей силы, и заработная плата была очень высокой. Однако это благополучие не касалось большинства населения — крестьян-феллахов, которые жили в деревнях на положении рабов.

Подъем экономики в правление Каитбея оказался кратковременным: вскоре начались войны с турками. Богатства казны истощились, порча монеты и конфискации у купцов стали обычным делом; в 1486 г. Каитбей приказал привести к себе богатых

²⁰⁵ Зеленев Е. И. Указ. соч. С. 147–148, 165.

²⁰⁶ Зеленев Е. И. Указ. соч. С. 159.

²⁰⁷ Ashtor E. *Levant Trade...* P. 199.

²⁰⁸ История стран зарубежной Азии... С. 377–378; Зеленев Е. И. Указ. соч. С. 149; Семенова Л. С. Указ. соч. С. 136.

²⁰⁹ Ashtor E. *A Social and Economic History...* P. 313; Ashtor E. *L'histoire des prix et des salaires...* P. 465.

купцов Каира и принудил их уплатить 12 тыс. динаров на содержание войска²¹⁰.

В 1492 г. вспыхнула эпидемия, продолжавшаяся около 20 лет; по словам современников, были дни, когда от чумы умирало более 10 тыс. человек²¹¹. Снова начались кровавые междоусобицы между различными группировками мамлюков. В 1498 г. Васко да Гама открыл морской путь в Индию, и вслед за этим португальский флот прервал морскую «дорогу пряностей» из Индии в Египет. Египетские порты опустели, европейские купцы отныне покупали пряности в Лиссабоне. Султан Кансух Гури (1501–1516 гг.) с помощью венецианцев построил большой флот и попытался восстановить «дорогу пряностей», однако египтяне потерпели поражение в морских сражениях с португальцами. Египет лишился положения монопольного торгового посредника, а султанская казна лишилась своих прибылей. Мамлюкское государство ослабело, в начале XVI в. мамлюки могли выставить лишь 3 тыс. воинов, а вместе с воинами «халка» — 15–20 тыс.; в случае войны приходилось нанимать кочевников, которые не отличались надежностью²¹².

Ослаблением Египта воспользовались турки-османы, в 1516 г. турецкая армия разгромила мамлюкскую конницу в битве на Дабикском поле. Это было одно из крупнейших сражений Средневековья; мамлюки сражались с отчаянной смелостью, и турки одержали победу лишь благодаря использованию нового оружия — пищалей и пушек.

В 1517 г. османская армия после ожесточенных боев вступила в Каир. Порабощенные мамлюками египетские крестьяне ненавидели своих господ и принимали турок как освободителей. После уличных боев в Каире «чернь» выловила около 800 мамлюкских рыцарей, которые были публично казнены²¹³. Султан Селим I официально называл себя «служителем бедняков», при въезде в Каир он был встречен восторженной толпой горожан, турецкие солдаты раздавали беднякам мясо. Икты и ризки мамлюков были конфискованы, все земли Египта снова стали государственной собственностью. Османы освободили крестьян от мамлюкского рабства, снизили налоги и добились улучшения положения народных масс. Однако мамлюкское правление оставило по себе

²¹⁰ Зеленев Е. И. Указ. соч. С. 150; Семенова Л. С. Указ. соч. С. 139, 168–169.

²¹¹ Зеленев Е. И. Указ. соч. С. 150.

²¹² Там же. С. 165.

²¹³ Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М., 1984. С. 37.

тяжелое наследство: страна была разорена, и в первые годы после освобождения харадж Египта не превышал 1,8 млн динаров²¹⁴. Сбор налогов был почти вдвое меньше, чем в предшествующую эпоху, при султанах ан-Насире; это свидетельствует об уменьшении численности населения в 1,5–2 раза.

* * *

Переходя к анализу социально-экономического развития Египта в описываемую эпоху, необходимо отметить, что переход власти к черкесским мамлюкам знаменовал падение самодержавной монархии и установление олигархического правления военной знати. В отдельные периоды черкесского правления Египет пребывал в состоянии феодальной анархии, так же как Европа и Передняя Азия тех времен. Катастрофа середины XIV в. привела к кризису многих централизованных государств этого региона, к смутам и войнам, которые продолжались примерно столетие. Этот период повсеместно характеризовался распадом авторитарной государственности, господством военной знати и попытками порабощения низших сословий. При этом процесс распада государственности в одной из могущественных стран региона (в данном случае в державе Хулагуидов) в силу свойственной человеческому обществу реакции подражания способствовал распространению подобных процессов на соседние страны. В предыдущий период авторитарная власть Бейбарса или ан-Насира во многом объяснялась опасностью, исходившей от монголов, — теперь эта опасность исчезла и черкесские мамлюки получили возможность заняться внутренними усобицами. Эти усобицы продолжались до тех пор, пока в регионе не появилась новая могущественная держава, Османская империя; ее появление вызвало консолидацию мамлюков в правление Каитбея, однако консолидация оказалась недостаточной, и в конечном счете Египет был завоеван османами. Включение Египта в состав новой могущественной монархии вместе с тем означало конец господства военной знати и облегчение положения низших сословий. По существу, османское завоевание принесло с собой социальную революцию, восстановившую этактистскую монархию IX–XII вв.

Феодальная анархия, господствовавшая до середины XV в., препятствовала восстановлению экономики в новом цикле. Призна-

²¹⁴ Там же. С. 38–39; Семенова Л. С. Указ. соч. С. 137.

ки начала восстановительного периода отмечаются лишь в правление Каитбея, однако этот период оказался очень непродолжительным; новая эпидемия чумы и новые смуты вновь ввергли страну в состояние кризиса. Таким образом, период с середины XIV до начала XVI столетий следует характеризовать как *интерцикл*.

11.8. ДЕЛИЙСКИЙ СУЛТАНАТ В ЭПОХУ МОНГОЛЬСКИХ НАШЕСТВИЙ

Первое вторжение монголов в Индию относится к 1221 г., когда кочевники, преследуя войска Хорезмшаха, дошли до берегов Инда. Затем последовал длительный перерыв, во время которого монголы завоевали Иран и весь Ближний Восток. Правители Делийского султаната имели время, чтобы осознать опасность, подготовиться к неминуемому нашествию и освоить новое оружие победоносных завоевателей. К концу XIII в. производство монгольского оружия было освоено мусульманскими ремесленниками Ирана; и поскольку мусульманский мир был един, то эти навыки должны были распространиться и в Индии. Из более поздних источников известно, что во всяком случае в XV в. в Индии производили монгольские «саадаки» и «юшманы», и даже применявшиеся монголами китайские пороховые гранаты. Известно также, что при султанах Ала уд-дине (1296–1316 гг.) в Дели по иранскому образцу были созданы большие оружейные мастерские «кархана», должно быть, в этих мастерских производили, в том числе, и монгольские луки²¹⁵.

В конце XIII в. (с 1292 г.) началось большое наступление иранских монголов на Индию. Вторжения следовали одно за другим, и армии завоевателей доходили до окрестностей Дели. Перед лицом мощного монгольского наступления Ала уд-дин был вынужден предпринять ряд реформ, направленных на усиление армии. Эти реформы в значительной степени копировали порядки монголо-иранской державы Хулагуидов. Были конфискованы в казну все частные владения; у простых воинов были отняты их икты: как и в Иране, им стали выдавать денежное жалование.

²¹⁵ Khan I. A. Origin and Development of Gunpowder Technology in India: A. D. 1250–1500 // The Indian Historical Review. 1977. Vol. IV. №1. P. 25; Винклер П. Указ. соч. С. 251; Никитин, Афанасий. Хождение за три моря // Все народы едино суть. М., 1987. С. 460–461; История Индии в средние века. М., 1968. С. 246; Успенская Е. Н. Раджпуты: рыцари средневековой Индии. СПб., 2000. С. 154, 170.

По имперскому образцу был проведен кадастр, оценена урожайность земель, и крестьяне должны были платить поземельный налог (харадж) в половину урожая – такой же высокий, как в Иране. Кроме того, был введен налог на скот и дома; составлявшие подавляющее большинство населения индусы-немусульмане платили также подушный налог, джизью. Джизья и харадж, таким образом, составляли подушно-поземельный налог, аналогичный ильханскому «купчур-калан». Была создана почтовая служба, причем повинность по обеспечению почтовых станций называлась, как и в Иране – «улаг». Монголо-иранский институт принудительных закупок («тарх») стал базой для создания государственной системы торговли, с помощью которой обеспечивалось снабжение столицы и армии²¹⁶.

Войско султана, по монгольскому образцу, делилось на десятки, сотни и тысячи, воины постоянно находились в своих частях и проводили время в военных тренировках, Дели превратился в огромный военный лагерь. Каждый воин имел лук, две сабли и кольчугу, лошади были защищены попонами с металлическими пластинами. Монголов, взятых в плен, обращали в ислам и включали в состав султанской армии, их называли «новыми мусульманами», а их командиры получили титулы эмиров и были приближены ко двору. Некоторые обычаи делийского двора – например, запрет эмирам пить вино и совещаться между собой – могут быть объяснены влиянием монгольских порядков²¹⁷.

Переняв государственные и военные традиции завоевателей, Ала уд-дин смог создать «великую армию» из 475 тыс. всадников, которая остановила монгольское нашествие в серии грандиозных сражений на берегах Джамны²¹⁸.

В соответствии с таксацией Ала уд-дина рядовой воин получал 234 танка в год; как в Иране, ему давали ассигновку, по которой он получал деньги в местном казначействе. Воин должен был сам покупать оружие и содержать боевого коня, за второго коня полагалось дополнительно 78 танка (лошади в Индии были очень дороги). Для сравнения, пенсия ветерана составляла 40–50 танка; опла-

²¹⁶ Lal K. S. *Op. cit.* P. 181–184, 198, 201–202; Синха К. Н., Банеджи А. И. История Индии. М., 1954. С. 175.

²¹⁷ Lal K. S. *History of the Khaljis (1290–1320)*. London, 1967. P. 171, 175–175, 192; Хара-Даван Э. Чингис-хан. Элиста, 1991. С. 54, 70; Ашрафян К. З. Делийский султанат. М., 1960. С. 73.

²¹⁸ Lal K. S. *Op. cit.* P. 193.

та ремесленника — 10–12 танка (2–3 джитала в день)²¹⁹. Один ман пшеницы стоил 7,5 джиталов, однако величина мана тех времен неизвестна, Барани свидетельствует, что на 6 джиталов можно было накормить 6–7 человек хлебом и мясом²²⁰, так что уровень жизни в городах был достаточно высоким. Следует, однако, отметить, что регламентация Ала уд-дина искусственно занижала уровень цен на продовольствие; в годы неурожая продажа зерна в Дели нормировалась властями, на семью отпускалось не более половины мана пшеницы в день²²¹. Положение сельского населения было значительно более тяжелым, нежели положение горожан, как вследствие непосильных налогов, так и в результате опустошений, вызванных монгольскими вторжениями. Тюрьмы были переполнены неплательщиками налогов²²².

Отразив нападения с севера, Ала уд-дин использовал созданную им огромную армию для новых завоеваний, были подчинены районы Раджастан, в 1308–1315 гг. полководцы султана овладели Деканом и продвинулись до южной оконечности полуострова Индостан. Делийский султанат превратился в огромное государство, охватившее весь индийский субконтинент — кроме сохранившейся независимости Бенгалии. Однако реальная власть султана не распространялась южнее центрального Декана; далее на юг располагались владения вассальных индусских князей, которые не контролировались из Дели²²³.

Режим, основанный на системе принудительных государственных закупок («тарх»), не мог существовать вечно — необходимость в нем отпала вскоре после отражения монгольских нашествий. Мусульманская знать и горожане выражали недовольство нововведениями Ала уд-дина, регламентацией цен, отнятием мульков и суровой военной дисциплиной. После смерти великого завоевателя его сын Кутб уд-дин Мубарак поспешил отменить регламентацию цен. «Люди радовались смерти султана, так как были избавлены от тирании и суровости прежнего правителя, — свидетельствует Барани. — Никто больше не боялся услышать: “Делайте это, и не делайте того, говорите так, а не эдак, это прячьте, а это нет, ешь-

²¹⁹ Ашрафян К. З. Средневековый город... С. 38; Ашрафян К. З. Дели... С. 23, 36.

²²⁰ Цит. по: Habib I. Non-agricultural production and urban economy // The Cambridge economic history of India. Vol. I. Cambridge. 1982. P. 87.

²²¹ Lal K. S. Op. cit. P. 203.

²²² Там же; Ашрафян К. З. Делийский султанат... С. 58.

²²³ Там же. С. 59–66. Habib I. Op. cit. P. 88.

те то, и не ешьте это, продавайте это, а это не продавайте»²²⁴. После разрешения свободной торговли цены значительно возросли, увеличилась и заработная плата²²⁵.

Ослабление центральной власти после смерти Ала уд-дина вызвало смуты, которые привели к смене династии; в 1320 г. к власти пришел один из полководцев Ала уд-дина Гийяс уд-дин Туглак. Гийяс уд-дин (1320–1325 гг.) вернул владельцам конфискованные мульки и вакфы и расширил раздачу икт эмирам; военачальники получали во владение целые области и округа, однако эмирам предназначалась лишь малая часть (до 10%) доходов от икты, их отряды регулярно вызывались на смотры, а сами эмиры должны были ежегодно являться ко двору для предоставления финансового отчета и «целования ног» султана. Как и прежде, воины не имели икт, они получали плату из казны за счет доходов, шедших с икт их командиров. Налоги на крестьян были значительно снижены и, по расчетам К. З. Ашрафян, составляли примерно $\frac{1}{5}$ урожая; прекратились насилия при сборе податей, принимались меры против злоупотреблений откупщиков. Старосты деревень («хуту») были освобождены от части налогов и были уполномочены собирать налоги со своих деревень²²⁶.

Первая треть XIV в. была отмечена ростом городов и ремесел. Ибн Батута, посетивший Индию в 1330-х гг., описывал Дели как самый большой город мусульманского мира. В то время Дели состоял из четырех поселений, между которыми располагались сады и пашни; вместе с предместьями город простирался на 4–5 курухов, т. е. на 8–10 километров. В Дели было множество рынков и ремесленных мастерских, только в государственных мастерских-кархана было занято больше 10 тыс. ремесленников-рабов²²⁷. Из других городов был известен своими размерами Даулатабад, этот город отличался выгодным расположением, и Мухаммад-шах намеревался сделать его новой столицей, сюда была переселена часть жителей Дели. В приморской провинции Гуджарат было много больших портовых городов, таких как Камбей, Броч, Сурат. XIV в. был отмечен оживлением торговли по морскому пути вдоль берегов Южной Азии. Случалось, что из портов одновременно выходили десятки кораблей, они везли в Египет индийский перец и хлопчатые

²²⁴ Цит. по: Ашрафян К. З. Делийский султанат... С. 37.

²²⁵ Там же. С. 134.

²²⁶ Там же. С. 88, 92–93, 135–137; Nabib I. Agrarian Economy... P. 63, 72.

²²⁷ Ашрафян К. З. Дели... С. 43, 55; Ашрафян К. З. Делийский султанат... С. 174.

ткани, пряности из Индонезии, шелк и фарфор из Китая, из Египта эти товары отправлялись в Европу. Главным товаром индийского импорта были лошади для султанской кавалерии; лошади плохо размножались в индийском климате, и их приходилось ввозить из других стран. Индийские купцы принимали активное участие в морской торговле, и, в частности, в Адене была большая колония индийских купцов, однако основными морскими перевозчиками в этот период были арабы и китайцы. Индийские корабли уступали китайским по размерам и мореходным качествам²²⁸.

Сын Гийас уд-дина Мухаммад-шах Туглак (1325–1351 гг.) пытался возродить завоевательную политику Ала уд-дина. Для похода в Иран была собрана огромная армия; чтобы обеспечить снабжение войск, были значительно увеличены налоги. С целью восполнить нехватку средств были выпущены медные монеты с высоким принудительным курсом — эта идея, по-видимому, была позаимствована из Китая и Ирана, где одно время были в употреблении бумажные деньги; так же как в Иране, она закончилась неудачей²²⁹.

Во период правления Мухаммад-шаха появились сведения об ухудшении экономического положения. Цены на пшеницу возросли до 12 джиталов за 1 ман²³⁰. Повышение налогов совпало с засухой; в 1330-х гг. разразился страшный голод, продолжавшийся семь лет. «Из-за недостатка дождей голод усилился и продолжался в течение нескольких лет, — свидетельствует Барани. — От голода погибли тысячи тысяч людей, общины рассеялись, многие лишились семейств»²³¹. Крестьяне бежали из голодающих областей, деревни стояли пустые, земли не обрабатывались. Голод сопровождался эпидемиями, повсюду вспыхивали восстания и голодные бунты; власти отвечали жестокими репрессиями. Одновременно Мухаммад-шах снизил налоги и принимал меры, направленные на восстановление земледелия; был усилен контроль за эмирами, по-видимому, с тем чтобы не допустить чрезмерных поборов с населения. Это вызвало недовольство знати; в 1340-х гг. в различных

²²⁸ Ашрафян К. З. Средневековый город... С. 47; История стран зарубежной Азии... С. 322; Digby S. The maritime trade of India // The Cambridge economic history of India. Vol. I. Cambridge., 1982. P. 125–135.

²²⁹ Digby S. The currency system // The Cambridge economic history of India. Vol. I. Cambridge., 1982. P. 97.

²³⁰ Habib I. Non-agricultural production... P. 88.

²³¹ Цит. по: Ашрафян К. З. Делийский султанат... С. 139.

частях страны стали вспыхивать мятежи эмиров, владельцев крупных икт. Последнее десятилетие правления Мухаммад-шаха прошло в борьбе с эмирами, причем, не доверяя знати, султан назначал на видные посты людей из простонародья²³².

Голод, эпидемии, разруха царили и в первые годы правления Фируз-шаха (1351–1388 гг.), цена зерна достигала 80 джиталов за ман. Положение стабилизировалось лишь в конце 1350-х гг.; цена пшеницы упала до уровня времен Ала уд-дина — 8 джиталов за 1 ман. В то же время, по свидетельству современников, заработки ремесленников в 12–15 раз превосходили уровень начала столетия. Крупнейший специалист по экономической истории Индии Ирфан Хабиб выражал удивление по поводу этих восходящих и нисходящих движений цен и заработной платы²³³. Однако, на наш взгляд, в этом нет ничего удивительного: то же самое явление отмечалось в это время и в других странах Европы и Азии. Это было свидетельство демографической катастрофы, олицетворяемой «Черной смертью» 1348 г. Так же и в Индии резкое падение цен и рост реальной заработной платы были свидетельством гибели большей части населения, «тысячи тысяч» людей, унесенных голодом и эпидемиями середины XIV в.

* * *

Переходя к анализу истории Делийского султаната, необходимо отметить ее вторичность по отношению к истории Ирана. Мусульманское завоевание Северной Индии привело к созданию государства, основанного на мусульманских традициях (правда, это государство опиралось на базу из индийских общин). При этом мусульмане Индии всегда смотрели на Иран и Ирак как на центр мусульманского мира и образец для подражания. В силу этой реакции подражания Делийский султанат копировал многие черты социально-политической системы Ирана.

Экономическое развитие Индии в период султаната в значительной мере продолжало тенденции предшествовавшей эпохи. В XIII в. на севере страны продолжался *период первоначальной колонизации*, для этого времени характерны относительно высокий уровень потребления, рост населения, рост посевных площадей,

²³² Там же. С. 68, 122; История Индии в средние века... С. 240–241; Habib I. Op. cit. P. 72.

²³³ Habib I. Non-agricultural production and urban economy... P. 89.

строительство новых поселений, низкие цены на хлеб, дороговизна рабочей силы, незначительное развитие помещичьего землевладения, аренды и ростовщичества, ограниченное развитие городов и ремесел. Наиболее характерным проявлением колонизации была расчистка от лесов обширной области в районе Дели и в Доабе. В конце XIII в. период колонизации был прерван разрушительными монгольскими вторжениями, монгольское наступление побудило султана Ала уд-дина к перениманию военной и социальной организации своего могущественного противника. При этом была скопирована социальная система державы Хулагуидов — та, которая существовала до реформ Газан-хана. Таким образом, рождение первой индийской этатистской монархии было результатом трансформации по монголо-иранскому образцу (трансформация $A_c B^c$). В то же время нельзя не отметить эффективности этатистской монархии Ала уд-дина: завоеватели полумира, монголы были разгромлены и отброшены от границ Индии. К. С. Лал указывает на реформы Ала уд-дина как на важный пример, демонстрирующий возможности государственного регулирования²³⁴.

После победы над монголами преемники Ала уд-дина несколько смягчили систему государственного регулирования, однако ее основной принцип — получение воинами платы из казны — остался неизменным. В 1320-х гг. появились некоторые признаки *Сжатия*, такие как высокие цены на хлеб, рост городов, развитие ремесел и торговли. Военная монархия требовала от населения высоких налогов, но при этом не заботилась ни о расширении посевных площадей, ни о поддержке крестьянства в случае неурожая. Высокие налоги сужали экологическую нишу этноса, поэтому повторение неурожая сразу же приводило к голоду. В 1330–1340-х гг. разразился *экосоциальный кризис*: голод, эпидемии, восстания, гибель больших масс населения. О произошедшей в это время *демографической катастрофе* свидетельствуют, в частности, падение цен и высокий уровень заработной платы во второй половине XIV в. Характерно, что кризис сопровождался *попытками социальных реформ*: военная монархия пыталась умерить эксплуатацию крестьянства и проводила политику поощрения земледелия. Таким образом, катастрофа середины XIV в. завершила первый демографический цикл истории Индии.

В конечном счете кризис привел к крушению этатистской монархии Ала уд-дина, к ослаблению центральной власти и распространению системы икты (трансформация $A_c B^c A_c$).

²³⁴ Lal K. S. Op. cit. P. 198.

11.9. ХИНДУСТАН В КОНЦЕ XIV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВВ.

Кризис середины XIV в. привел к падению этатистской монархии. Преемник Мухаммад-шаха Фируз-шах (1351–1388 гг.) был вынужден пойти на уступки военному сословию. Началась массовая раздача икт рядовым воинам, им были розданы почти все земли Хиндустана, при этом икты были признаны наследственными владениями²³⁵. Контроль над иктами ослаб, войсковые смотры стали нерегулярными, некоторые иктадары перестали перечислять налоги в казну. В то же время ослабевшая монархия повернулась лицом к народу; Фируз-шах уделял большое внимание хозяйственным вопросам и энергично поощрял земледелие. Были отменены все налоги, недозванные шариатом, а дозволенные налоги были уменьшены. Ирригационные работы при Фируз-шахе приобрели такие масштабы, каких не было ни раньше, ни позже, вплоть до XIX в. Было построено четыре канала протяженностью 150–200 км, на строительство одного из них по трудовой повинности было мобилизовано 50 тыс. крестьян²³⁶. «Страна достигла такой степени процветания, что во всем Доабе... не было ни одного необработанного клочка земли, — свидетельствует хронист Афиф. — Здесь насчитывалось 52 цветущих округа. Так же обстояло дело во всех областях и округах; в округе Самана, например, на один курух приходилось четыре деревни и жители их пребывали в спокойствии»²³⁷. По словам Афифа, деревни обычно располагались на расстоянии 2–3 курухов друг от друга, т. е. в 4–6 км²³⁸; для сравнения напомним, что в XI в. расстояние между деревнями обычно составляло 30–35 км. Афиф говорит о том, что в правление Фируз-шаха цены оставались низкими: «В течение сорока лет правления все было дешево. Если, не дай бог, из-за недостатка дождей цены поднимались, то ман пшеницы стоил одну танка. Обычно же... в Дели за ман пшеницы платили 8 джиталов»²³⁹.

От времени Фируз-шаха сохранились данные о государственных доходах, которые составляли 68 млн танка²⁴⁰. Если мы сравним

²³⁵ Habib I. Agrarian Economy... P. 73.

²³⁶ История Индии в средние века... С. 242–241, 255–256; Habib I. Op. cit. P. 49.

²³⁷ Цит. по: Ашрафян К. З. Делийский султанат... С. 154.

²³⁸ Цит. по: Ашрафян К. З. Средневековый город... С. 23.

²³⁹ Цит. по: История Индии в средние века... С. 245.

²⁴⁰ Ашрафян К. З. Делийский султанат... С. 154; Habib I. Agrarian Economy... P. 73.

приведенную выше цифру с доходами государства Хулагуидов — 21 млн динаров — и учтем, что вес динара и танка почти одинаков²⁴¹, то окажется, что в экономическом отношении Делийский султанат намного превосходил своего соседа и соперника. Можно упомянуть и о том, что по окончании наступившего после смерти Фируз-шаха двухвекового периода войн доходы возрожденного индийского государства (Империи Великих Моголов) составляли 91 млн рупий²⁴². Рупия по весу равна танка, однако цены на хлеб за это время выросли в 2,5–3 раза²⁴³, поэтому с учетом инфляции доходы новой империи составляли всего 30–40 млн танка — много меньше, чем доходы Делийского султаната. Эти цифры говорят как о высоком уровне экономического развития султаната, так и о масштабах последовавшего затем упадка.

Распространение системы икты как в Иране, так и в Индии привело к ослаблению центральной власти и прогрессирующей феодальной дезинтеграции. В конце правления Фируз-шаха начались мятежи эмиров и династические смуты. После смерти Фируз-шаха от Дели отпали почти все провинции; по свидетельству хрониста Сирхинди, «эмиры и малики стали падишахами каждый на свой собственный страх и риск»²⁴⁴. Распад некогда могущественного султаната сразу же привел к военной катастрофе: в 1398 г. в Индию вторглись полчища повелителя Средней Азии, Тимура Тамерлана. 27 декабря 1398 г. войска Тимура ворвались в Дели, грабежи и резня продолжались несколько дней и ночей. «Сделанные из голов индийцев башни достигали огромной высоты, а их тела стали пищей для диких зверей и птиц», — свидетельствует современник. Все уцелевшие были угнаны в Среднюю Азию, «даже самый последний солдат имел 20 пленников»²⁴⁵. После этого разгрома в течение двух месяцев в Дели «даже птица не пошевелила крылом»²⁴⁶.

Нашествие Тимура привело к окончательному распаду Делийского султаната и торжеству феодальной анархии. Район Дели

²⁴¹ 1 ильханский динар = 12,6 грамм серебра; 1 танка, по К. С. Лалу эквивалентна 1 рупии = 11,5 грамма серебра. См. Lal K. S. Op. cit. P. 199.

²⁴² Антонова К. А. Очерки общественных отношений и политического строя могольской Индии времен Акбара (1556–1605). М., 1952. С. 106; приведены доходы за 1579 г.: 3630 млн дам = 91 млн рупий.

²⁴³ Там же. С. 122.

²⁴⁴ Цит. по: История Индии в средние века... С. 243.

²⁴⁵ Гийас уд-дин Али. Цит. по: Ашрафян К. З. Дели... С. 74.

²⁴⁶ Бадауни. Цит. по: Ашрафян К. З. Дели... С. 74.

и Дооба подвергся жестокому разорению: ирригационные каналы были разрушены, города стояли в развалинах, в деревнях свирепствовала чума. На территории подвластной когда-то султанам Дели образовалось множество княжеств и уделов; раджпуты Раджхана освободились от власти мусульман и создали свои независимые государства, начался период нескончаемых междоусобных войн. В этих войнах принимали участие афганские кочевые племена, пришедшие в Индию во времена мусульманского завоевания и позже, вместе с Тимуром и его наместниками. Оплотом афганцев в Индии стал Рокилханд — область к северо-востоку от Дели. В 1451 г. хан Бахлул из афганского племени лоди овладел Дели и провозгласил себя султаном²⁴⁷.

Бахлул был типичным вождем кочевников: он соблюдал кочевые обычаи и все захваченные богатства раздавал воинам, не оставляя себе ничего. Принимая своих эмиров, султан никогда не садился на трон, а, как равный, усаживался на ковре рядом с ними. Все земли были розданы в икты, причем иктадары ничего не платили в казну и полновластно распоряжались в своих владениях²⁴⁸. Попав в руки кочевников, государство больше не сдерживало произвол феодалов по отношению к крестьянам, и положение крестьянства значительно ухудшилось. Немецкий путешественник того времени свидетельствовал, что индийские крестьяне «не отличаются от сервов в Польше».

Поначалу Бахлул управлял лишь небольшой областью вокруг Дели, но за сорок лет войн ему удалось подчинить правителей Дооба. Сын и преемник Бахлула Сикандар-шах (1489–1517 гг.) присоединил Бихар и стремился добиться большей централизации управления — ему неоднократно приходилось подавлять мятежи своих эмиров. В правление Сикандара отмечаются признаки восстановления экономики; историограф Абдаллах свидетельствуют, что земледелие процветало, все люди божии пребывали в крайнем благоденствии и спокойствии, а зерно и ткани были дешевы²⁴⁹.

Сын Сикандара Ибрахим-шах пытался выступать в роли неограниченного монарха; это вызвало недовольство и мятежные выступления знати, которые жестоко подавлялись султаном. В конечном счете мятежная знать призвала на помощь владельца Кабула, тимурида Захир ад-дина Бабур. В 1526 г. Бабур вторг-

²⁴⁷ История Индии в средние века... С. 270–272.

²⁴⁸ Там же. С. 273, 295.

²⁴⁹ Цит. по: Ашрафян К. З. Аграрный строй... С. 36.

ся в Индию с армией из 12 тыс. тюрок, монголов и афганцев — это разноплеменное войско индийцы называли «моголами», т. е. монголами. Войска Ибрахим-шаха были намного более многочисленными, но у Бабура было новое оружие, артиллерия; Ибрахим-шах погиб в сражении, а его армия рассеялась. Бабур овладел Дели, но война за покорение Северной Индии продолжалась еще тридцать лет.

В правление сына Бабура Хумаюна (1530–1556 гг.) его главным противником выступил правитель Бихара и Бенгалии Шер-шах Сур (1539–1545 гг.). Шер-шах провел реформы и восстановил порядок, по которому каждый иктадар был обязан содержать положенный ему отряд воинов и являться с ним на смотр. По единодушному мнению историков, Шер-шах заботился о благосостоянии крестьян и стремился оградить их от произвола иктадаров. Был проведен земельный кадастр и установлен единый налог — $\frac{1}{4}$ (по другим данным, $\frac{1}{3}$) урожая; владельцам икт запрещалось превышать установленную налоговую норму²⁵⁰. Сын Шер-шаха Ислам-шах (1545–1554 гг.) пытался отнять у эмиров их икты и заменить их денежным жалованием, подобно тому как это сделал в свое время Ала уд-дин. Однако неясно, в какой степени была реализована реформа Ислам-шаха, некоторые авторы полагают, что она привела лишь к переходу икт в руки новых, возвышенных шахом, военачальников²⁵¹.

Реформы Шер-шаха и Ислам-шаха проводились в обстановке длительных кровопролитных войн. Войны привели к разорению Северной Индии, ухудшению положения народных масс и к активизации народных движений. При Ислам-шахе большое распространение получило движение махдистов, подобно шиитам, веривших в скорое пришествие Махди, восстановителя справедливости. Махдисты жили общинами, в которых все делилось поровну; они носили оружие и, по словам современника, «если видели какое-либо беззаконие в городе или на базаре, то сначала уговаривали... а затем устранили это беззаконие силой»²⁵².

Ислам-шах подавил движение махдистов, но не смог утвердить свою власть над Северной Индией; к 1556 г. долина Ганга оказалась в руках сына и наследника Хумаюна, Акбара. Долгая война сопровождалась разорением страны и в конечном счете привела к ката-

²⁵⁰ Там же. С. 256–257.

²⁵¹ Там же. С. 199; История Индии в средние века... С. 387.

²⁵² Цит. по: История Индии в средние века... С. 386.

строфе: в 1554–1556 гг. на области от Дели до Бенгалии обрушился страшный голод. Люди ели траву и падаль, мертвые лежали на дорогах, было много случаев людоедства. Хронист Бадауни пишет, что страна стала пустынной, крестьяне-земледельцы исчезли, мятежники грабили города²⁵³. По-видимому, голод 1550-х гг. означал демографическую катастрофу и гибель значительной части населения.

* * *

Переходя к анализу истории Индии в XV – начале XVI вв., необходимо отметить, что кризис середины XIV в. привел к падению этатистской монархии. Для правления Фируз-шаха характерен отказ от системы государственного регулирования, упадок центральной власти и распространение системы икты. В экономике при Фируз-шахе начался *период восстановления*: мы наблюдаем относительно высокий уровень потребления основной массы населения, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых поселений, низкие цены на хлеб, дороговизну рабочей силы.

В этот период сохранялся отмеченный выше параллелизм развития Индии и Ирана. Массовая раздача икт при Фируз-шахе соответствовала политике, принятой в Иране со времен Газан-хана – Индия снова брала пример с Ирана. Так же как в Иране, распространение системы икты привело к ослаблению центральной власти и в конечном счете к феодальной анархии и к распаду государства. Анархия открыла дорогу новому нашествию кочевников, Тимур овладел Дели; это нашествие прервало период восстановления и принесло с собой новую демографическую катастрофу. Вторжение привело к новому переселению в Индию кочевых племен; в результате здесь, как и в Иране, власть оказалась в руках кочевников. При господстве афганцев икты стали полунезависимыми владениями, а их владельцы по произволу устанавливали налоги и отягчали крестьянские повинности.

Со временем начался процесс *социального синтеза*; афганская и тюркская знать постепенно усваивала мусульманские государственные традиции. К концу XV в. султанам Дели удалось остановить анархию и объединить под своей властью большую часть долины Ганга. В правление султана Сикандара снова начался *период вос-*

²⁵³ Цит. по: Habib I. The Agrarian system of Mughal India (1556–1707). Bombay, 1963. P. 101.

становления, для этого времени характерны относительно высокий уровень потребления, рост населения, рост посевных площадей, низкие цены на хлеб. Однако попытки перенимания автократических традиций вызвали *традиционалистскую реакцию*, мятежная знать призвала в Индию нового завоевателя, Бабура. Началась долгая война, в ходе которой Шер-шах Сур предпринял новую попытку восстановления автократической этатистской монархии; здесь возможна аналогия с реформами Ала уд-дина, который подобными (но более решительными) методами пытался остановить монгольское нашествие. Попытка Шер-шаха завершилась неудачей, и Индия была завоевана Великими Моголами, но завоеватели воспользовались тем, что сделал Шер-шах для создания новой монархии (трансформация АсВ^с). В конечном счете война привела к *демографической катастрофе*, которая погубила значительную часть населения.

11.10. ИСТОРИЯ ГУДЖАРАТА

Индия представляет собой обширный субконтинент, заключающий в себе различные области с различными историческими судьбами. Выше мы говорили об истории Дели и Доаба; необходимо также кратко остановиться на истории другого важного региона, Гуджарата.

Гуджарат представлял собой относительно замкнутый регион северо-западной Индии, отделенный от остальной части полуострова горами и пустыней. Здесь не было столь обильных ресурсов плодородных земель, как в долине Ганга, но, с другой стороны, соседство с морем предоставляло возможности для развития торговли. Гуджарат практически не пострадал от нашествия Тимура, и здесь продолжались процессы естественного развития, обусловленного реалиями предыдущей эпохи. Вскоре после разорения Дели многие наместники провинций стали независимыми правителями; наместник Гуджарата Зафар-хан провозгласил себя султаном и основал новое государство – Гуджаратский султанат.

Первые полвека существования нового султаната прошли в войнах с раджпутскими княжествами Раджастхана; так же как в долине Ганга, это было время феодальной анархии. Власть султанов была слабой; все земли султаната были розданы в икты, причем иктадары ничего не платили в казну и полновластно распоряжались в своих владениях. На территории султаната располагалось много раджпутских грасов, сохранившихся с домусульманских времен; их наследственных владельцев называли заминдарами. За-

миндары не желали подчиняться гуджаратским султанам, и султану Ахмеду (1411–1442 гг.) пришлось приложить большие усилия, чтобы привести их к покорности. В конечном счете заминдары обязались приводить свои дружины в армию султана и перечислять в казну часть налогов²⁵⁴.

Правление султана Махмуда Бегара (1458–1511 гг.) было временем относительной стабилизации. Историки тех времен писали о «беспримерном процветании» страны: доходы большинства деревень увеличились в два-три раза, а в некоторых деревнях — в десять раз; цены на зерно были низкими, как никогда²⁵⁵. Махмуд уделял много внимания ирригации и поощрял разведение садов. Распашка пустошей производилась столь интенсивно, что ко времени султана Музафарра (1511–1526 гг.) стал ощущаться недостаток пастбищ для скота²⁵⁶.

К концу XV в. относятся сведения об оживлении городской жизни. Столица Гуджарата, Ахмадбад, приобрела известность как один из крупнейших городов Индии, центр ткацкого ремесла. Триста предместий Ахмадабада равнялись по величине небольшим городам; лишь в одном из этих предместий находилось 12 тыс. лавок, принадлежавших купцам и ремесленникам. На побережье процветали знаменитые торговые города Камбей, Броч, Сурат; через эти порты гуджаратские ткани вывозились во многие страны Южной Азии²⁵⁷. Португалец Д. Барбоша писал, что в индийские ткани были одеты все мужчины и женщины от берегов Красного моря до Индонезии²⁵⁸. В начале XVI в. камбейский порт ежегодно посещало до 300 судов и налоги с Камбея давали 1/10 часть всех доходов султаната²⁵⁹.

Характерно, что рост городов Гуджарата сопровождался активизацией социальных движений; здесь нашла благоприятную почву проповедь махдистов, призывавшая к возврату к принципам исламской справедливости. Именно в Гуджарате появились первые махдистские общины, практиковавшие совместное владение имуществом и уравнительное распределение²⁶⁰.

²⁵⁴ История Индии в средние века... С. 275–277, 292–296.

²⁵⁵ Цит. по: Ашрафян К. З. Аграрный строй... С. 37.

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ История Индии в средние века... С. 289.

²⁵⁸ Цит. по: История Востока. Т. 3. М., 1999. С. 174.

²⁵⁹ Люстерник Е. Я. Индийский город Камбей в XV–XX веках. Л., 1962. С. 13, 16.

²⁶⁰ История Индии в средние века... С. 298.

Открытие португальцами морского пути в Индию привело к кризису гуджаратской торговли, португальцы захватили господство в океане и беспощадно топили и грабили индийские корабли. В 1530-х гг. ухудшилась и политическая обстановка: гуджаратским султанам пришлось отражать вторжение моголов Хумаюна. Желая усилить обороноспособность государства, султан Мухаммад III (1538–1554 гг.) по примеру Ислам-шаха попытался отнять у заминдаров их владения. Эта попытка стоила султану жизни; после его гибели началась смута, и в конечном счете Гуджарат был завоеван моголами²⁶¹.

Войны и сокращение торговли сказались на жизни городов; европейские путешественники описывали бедность жителей Камбея, руины на улицах города²⁶². Недостаток продовольствия ощущался в Гуджарате уже давно; как отмечалось выше, были распаханы все пастбища, продовольствие завозилось из соседней Малвы. В 1563 г. в Камбее был сильный голод, и голодающие жители города продавали своих детей. После разрушительного вторжения моголов в 1573 г. также начался голод, которому сопутствовала эпидемия; массы людей бежали из Гуджарата в соседние области²⁶³.

Несмотря на все потери, могольское завоевание Гуджарата не сопровождалось такими катастрофическими потрясениями, как в долине Ганга; страшный голод 1554–1556 гг. не затронул Гуджарат. Если даже население несколько уменьшилось, то земли по-прежнему не хватало: об этом говорит сохранение высоких цен на зерно²⁶⁴. С другой стороны, образование Могольской империи положило конец смутам и создало благоприятные условия для развития торговли. При падишахе Акбаре (1556–1605 гг.) были построены дороги, связавшие Гуджарат с долиной Ганга, Гуджарат превратился в «порт Индии». Нехватка земли побуждала крестьян заниматься ремеслом; появилось множество поселков, жители которых зарабатывали на жизнь производством тканей на рынок. Многие крестьяне переселялись из деревень в города, снова начался рост городов, разросшийся Ахмадабад поглотил многие окрестные села²⁶⁵. Географ

²⁶¹ Там же. С. 281.

²⁶² Там же. С. 290; Люстеник Е. Я. Индийский город Камбей... С. 22.

²⁶³ Habib I. Op. cit. P. 101.

²⁶⁴ Антонова К. А. Очерки общественных отношений... С. 121; К. А. Антонова пишет о высоких ценах в Малве. Поскольку Малва была поставщиком хлеба для Гуджарата, то в Гуджарате цены были еще выше.

²⁶⁵ Gopal S. Commerce and crafts in Gujarat: 16th and 17th centuries. New Delhi, 1975. P. 208, 209, 213.

Амад-и Рази говорил об Ахмадабаде как о самом великолепном городе, подобного которому нет более нигде в мире. Золотая и серебряная парча, бархат, газ и многие другие ткани, производившиеся в Ахмадабаде, не имели равных в Индии; их продавали в Иране, Турции, Сирии²⁶⁶. Интересно, что помимо множества мелких мастерских в Ахмадабаде существовали и крупные государственные мануфактуры («карханэ»), в которых применялся наемный труд²⁶⁷.

В условиях кастового строя развитие ремесла в Индии оформлялось в традиционную оболочку цехов-«каст»; существовало много каст ткачей, прядильщиков, отбеливателей, красильщиков, набойщиков и т. д.²⁶⁸. Характерно, что многие ахмадабадские ткачи принадлежали к земледельческим кастам — т. е. были выходцами из деревни. Члены каст бережно хранили секреты своего мастерства и старались не допустить в свою среду посторонних. Помимо ремесленных каст существовали касты ростовщиков и торговцев; о богатстве гуджаратские купцов ходили легенды, купец Вирджи Вора из Сурата считался богатейшим человеком на свете. Однако каковы бы ни были богатства купцов, они не могли (как в Англии) претендовать на политическую власть: власть находилась в руках могущественных монархов Дели²⁶⁹.

В начале XVII в. в Индийском океане появились голландские и английские корабли, и португальцы утратили господство на морях. Гуджаратские мореплавание и торговля испытывали новый подъем; ткани Ахмадабада продавались во всех странах Востока. Англичане начали массовые закупки тканей для продажи в Европе: кусок хлопчатой ткани стоил в Индии 7 шиллингов, а в Англии — 20 шиллингов²⁷⁰. Развивалась и внутренняя торговля; города Гуджарата требовали все больше хлеба, и его привозили караванами из Малвы и Агры, а также на судах из Гоа. Однако перевозка зерна обходилась дорого и не удовлетворяла растущих потребностей; цена на зерно в Гуджарате были выше, чем в других областях Индии. В 1620-х гг. стоимость одного мана пшеницы составляла около 0,8 рупии²⁷¹, в то время как неквалифицированные рабочие полу-

²⁶⁶ Цит. по: Ашрафян К. З. Аграрный строй... С. 46.

²⁶⁷ Ашрафян К. З. Средневековый город Индии... С. 24; История Индии в средние века... С. 453–457.

²⁶⁸ Gopal S. Op. cit. P. 220.

²⁶⁹ Там же. С. 455; Ашрафян К. З. Средневековый город Индии... С. 28.

²⁷⁰ Там же. С. 454; Чичеров А. И. Экономическое развитие Индии перед английским завоеванием. М., 1965. С. 137.

²⁷¹ Habib I. Op. cit. P. 83.

чали примерно 2,4 рупии в месяц²⁷². В пересчете на зерно это составляет 2,8 кг в день — это был уровень потребления, характерный для кризисных времен²⁷³. Постепенно ухудшалось и положение в деревне, источники говорят о разорении крестьян, которые не могут платить налоги и уходят из деревни, в 1620-х гг. это явление принимает массовый характер²⁷⁴.

Нараставшая нехватка зерна в конечном счете привела к страшному голоду 1630–1632 гг. Засуха совпала с нарушением поставок хлеба из соседних областей. Голод заставлял родителей продавать своих детей, кости мертвых толкли и подмешивали в муку; людоедство стало обычным явлением. Вслед за голодом пришли эпидемии; по некоторым сведениям, в течение десяти месяцев 1631 г. погибло три миллиона жителей Гуджарата; население городов сократилось в десять раз²⁷⁵.

Таким образом, двухвековой период развития Гуджарата завершился демографической катастрофой.

* * *

Переходя к анализу истории Гуджарата в XV — начале XVII вв., необходимо отметить, что Гуджарат был особым регионом Индии, отличавшейся от других областей меньшими ресурсами плодородных земель. Это предопределило сравнительно раннее появление признаков перенаселения и Сжатия. Но, с другой стороны, Гуджарат имел возможности для развития морской торговли и обмена ремесленных товаров на продовольствие. Имелись благоприятные условия и для посреднической торговли по морскому пути вдоль берегов Азии.

Остается неясным, насколько большой ущерб принесли экономике Гуджарата междоусобные войны первой половины XV в. и следует ли говорить о продолжении колонизации или о восстановлении после этих войн. Тем не менее очевидно, что во второй половине XV столетия мы наблюдаем признаки первой фазы демографического цикла: относительно высокий уровень потребе-

²⁷² Ашрафян К. З. Средневековый город Индии... С. 38.

²⁷³ Moosvi Sh. Note on professor Alan Heston's «The standard of living in the Akbar's time: A comment» // *Indian economic and social history review*. 1977. Vol. 14. № 3. P. 392–401.

²⁷⁴ История Индии в средние века... С. 460.

²⁷⁵ Habib I. *Op. cit.* P. 102–103.

ния, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых поселений, низкие цены на хлеб, ограниченное развитие городов и ремесел, внутривосточная стабильность. С начала XVI в. постепенно появляются признаки *Сжатия*: сообщения о голоде, крестьянское малоземелье, уход крестьян в города, рост городов, бурное развитие ремесел и торговли, большое количество безработных и нищих, активизация народных движений под лозунгами передела собственности и социальной справедливости, строительство ирригационных систем с целью освоения новых земель. В 1550–1570 гг. Сжатие обостряется и наблюдаются некоторые черты *экоциального кризиса*: голод, этатистские реформы, эпидемии, войны.

Возможно, экоциальный кризис привел к гибели некоторой части населения, но его масштабы не позволяют говорить о демографической катастрофе, речь идет о *промежуточном кризисе*, подобном египетскому кризису 1140–1160 гг. Следствием промежуточного кризиса было некоторое уменьшение демографического давления, ослабление Сжатия и удлинение демографического цикла. Кроме того, имелись и социальные последствия: могольское завоевание привело к установлению этатистской монархии (трансформация АсВ^с).

После кризиса демографическое давление вновь стало расти, и в конце XVI в. вновь проявились признаки Сжатия: низкий уровень потребления основной массы населения, крестьянское малоземелье, разорение крестьян-собственников, уход разоренных крестьян в города, рост городов, бурное развитие ремесел и торговли, падение уровня реальной заработной платы, дешевизна рабочей силы, высокие цены на хлеб. В конечном счете Сжатие привело к новому *экоциальному кризису и демографической катастрофе*.

Гуджаратский цикл гораздо лучше документирован, чем цикл времен Делийского султаната; здесь впервые достаточно ясно фиксируется процесс Сжатия, который в конечном счете приводит к экоциальному кризису и демографической катастрофе. Это говорит о том, что первоначальная колонизация в этом регионе Индии подошла к концу, и развитие входит в ритм демографических циклов. При этом существенно, что речь идет об относительно изолированном регионе субконтинента, к тому же обладающем такой особенностью, как близость к морю. Морская торговля обеспечивала возможность экспорта гуджаратских тканей и давала приток денег, на которые закупался хлеб в Малве и Агре. Наладив

обмен тканей на хлеб, Гуджарат получил новые возможности для развития, для увеличения численности населения и удлинения демографического цикла. В XVI в. Гуджарат превратился в крупнейший промышленный центр Востока; ткачи Ахмадабада снабжали своей продукцией рынки всех стран Азии, а впоследствии и рынки Европы. Однако потребности растущих городов Гуджарата в конечном счете превзошли возможности доставки продовольствия; экономическая система стала неустойчивой, длительная засуха и сбой в поставках хлеба привели к катастрофе. Таким образом, гуджаратский цикл дает нам пример развития аграрно-промышленного общества.

Поскольку ко времени кризиса Гуджарат был лишь одной из провинций огромной империи, то гуджаратский кризис не привел к существенным политическим переменам или к трансформации структуры. Но вместе с тем он показывает необходимость учета региональных различий: в больших государствах различные регионы могут развиваться асинхронно, переживая свои демографические циклы и катастрофы.

11.11. КИТАЙ ПОД ВЛАСТЬЮ МОНГОЛОВ

Вернемся теперь к анализу истории Китая, страны, которая первой подверглась нашествию монголов. Монгольское завоевание Северного Китая сопровождалось страшными опустошениями и массовым истреблением мирного населения. «В провинциях Хубэй, Хэнань, Хунань, Шаньдун на несколько тысяч ли пространства почти все жители были перебиты, — говорит китайская хроника. — Золото и шелковые ткани, сыновья и дочери, волы и кони — все подобно циновке свернуто и увезено. Дома и хижины преданы огню, городские стены превращены в развалины»²⁷⁶. Монгольская знать намеревалась уничтожить всех китайцев, а земли Китая превратить в пастбища. «От ханьцев нет никакой пользы государству, — говорил великому хану Угэдэю сановник Бе-де. — Можно уничтожить всех людей и превратить земли в пастбища»²⁷⁷. Однако китайскому чиновнику Елюй Чу-цаю удалось убедить хана пощадить покоренную страну. «Если ... справедливо установить земельный налог... то

²⁷⁶ «Цзычжи тунцзянь ганьму» // Хрестоматия по истории средних веков. Т. 2. М., 1963. С. 54.

²⁷⁷ Цит. по: Биография Елюй Чу-цаю в «Юань ши» // Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965. С. 190.

ежегодно можно получать 500 тыс. лян серебра, 80 тыс. кусков шелка и свыше 400 тыс. ши зерна... — говорил Чу-цай. — Как же можно говорить, что от китайцев нет никакой пользы!»²⁷⁸. Угэдэй назначил Чу-цай первым министром²⁷⁹ и приказал восстановить налоговые управления и наладить администрацию на завоеванных территориях. В 10 губерний, «лу», образованных по цзиньскому образцу, были назначены губернаторы «да-лу-хуа-чи», в монгольском произношении — «даругачи»²⁸⁰. Была восстановлена система налогов: подушный налог, поземельный и подворный (поимущественный) налоги, а также государственные монополии на соль, железо, вино, чай и некоторые другие товары²⁸¹. После окончательного завоевания Северного Китая в 1235 г. была проведена перепись населения; было зарегистрировано 1,8 млн дворов и 4,8 млн человек — население сократилось более чем в 10 раз. О том, насколько была разорена страна, говорят уже размеры сборов, обещанные Чу-цаем хану, — в пересчете на деньги они эквивалентны 1,7 млн связок монет — при Цзинь собирали в 40 раз больше²⁸²!

Восстановление китайской системы налогообложения было проявлением *социального синтеза*, процесса перенимания завоевателями порядков побежденной империи. Однако в отличие от предыдущего периода синтез проходил с заметным преобладанием кочевых традиций. За немногими исключениями, китайцы не допускались на высшие посты; не доверяя побежденным врагам, монголы назначали на должности уйгуров, киданей, выходцев из Средней Азии. Монгольская знать сохраняла решающее влияние на принятие решений, ханов по-прежнему выбирали на курултаях. Монгольские князья и военачальники получали в уделы («улу-сы») обширные владения с тысячами крестьян. Елюй Чу-цай настоял на том, чтобы в каждый удел назначался «даругачи»²⁸³, кото-

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ Чжун-шу лином, т. е. начальником великого императорского секретариата. См.: Мункуев Н. Ц. Указ. соч. С. 19.

²⁸⁰ Думан Л. И. Некоторые проблемы социально-экономической политики монгольских ханов в Китае в XIII–XIV веках // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1973. С. 322.

²⁸¹ Мункуев Н. Ц. Указ. соч. С. 42; Мелихов Г. В. Установление власти монгольских феодалов в северо-восточном Китае // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1973. С. 74; История Востока. Т. 2. С. 391, 393.

²⁸² Пересчет произведен по ценам 1190 г. См. Воробьев М. В. Указ. соч. С. 270.

²⁸³ Мункуев Н. Ц. Указ. соч. С. 26, 48.

рый собирал налоги от лица государства и передавал их владельцу удела, но на деле князья сами назначали сборщиков и чиновников. Владельцы уделов считали своих крестьян, «цюйдинов», рабами и брали с них, сколько хотели; половина уцелевшего населения Цзинь была обращена в рабов. Рабская доля была уготована всем взятым в плен ремесленникам; они работали в больших мастерских, принадлежащих государству и знати²⁸⁴.

Жизнь свободных была немногим лучше жизни рабов. Налоги, собираемые с крестьян, сдавались на откупа мусульманским купцам, которые произвольно завышали их ставки. Тем, кто не мог уплатить налоги, давали в долг под огромный процент, а тех, кто не мог уплатить долг, продавали в рабство. Помимо налогов существовали многочисленные повинности, в том числе постоянная и ямская; проезжавшие по делам службы монголы могли требовать от крестьян лошадей, провиант и все, что им вздумается. Крестьяне находились в полной власти завоевателей; положение было примерно таким же, как в Иране и в других завоеванных монголами странах. Единственным спасением для крестьян было бегство, по свидетельству одного из чиновников, в 1239 г. из каждых 10 дворов 4–5 было в бегах; крестьяне толпами уходили на юг, в еще сохранявший независимость Южный Китай. В конечном счете Елюй Чу-цай убедил Угэдэя навести порядок в откупах и ограничить ямскую повинность, но полностью прекратить произвол было невозможно²⁸⁵.

При великом хане Монкэ (1251–1259 гг.) наместником Северного Китая был назначен его брат Хубилай. Хубилай долго жил в Китае, знал китайский язык и восхищался китайской культурой; его ближайшим советником был известный ученый конфуцианец Хао Цзин²⁸⁶. В 1259 г. Монкэ и Хубилай возглавили большой поход в Южный Китай, в августе этого года великий хан умер, и Хубилай принял командование, он сразу же запретил войскам убивать и грабить мирных жителей²⁸⁷. Вскоре после этого было заключено перемирие, и Хубилай с армией отправился в Монголию сражаться с другим претендентом на ханский престол Арик-букой. Вокруг Арик-буки

²⁸⁴ Боровкова Л. А. Восстание «красных войск» в Китае. М., 1971. С. 32; Очерки... С. 371, 373–374; Мункуев Н. Ц. Указ. соч. С. 48.

²⁸⁵ Мункуев Н. Ц. Указ. соч. С. 60–63.

²⁸⁶ Чулууны Далай. Монголия в XIII–XIV веках. М., 1983. С. 35.

²⁸⁷ Свистунова Н. П. Гибель государства Южных Сунов // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1973. С. 278.

сплотились сторонники кочевых традиций, недовольные политикой перенимания китайской культуры; война продолжалась четыре года и завершилась победой Хубилая. В 1264 г. Хубилай перенес столицу на территорию Китая, в Пекин, а в 1271 г. объявил себя первым императором новой династии Юань²⁸⁸. Эти действия вызвали новую войну с кочевниками; Западная Монголия отказалась признать своим властелином китайского императора, и вслед за этим распалась вся огромная империя монголов. Западные улусы — Средняя Азия, Иран, Золотая Орда — стали независимыми государствами.

Политика Хубилая была проявлением *социального синтеза*, а восстания кочевников — проявлением *традиционалистской реакции*. Великий хан благоволил к китайским чиновникам и назначал их на посты; было отменено наследование должностей, и китайцы составляли большую часть провинциального чиновничества, хотя высшие должности по-прежнему занимали монголы. Чиновничество было разделено на ранги и соответственно рангу получило земельные пожалования: от 200 до 1600 му пашни²⁸⁹. В экономической области Хубилай проводил традиционную конфуцианскую политику «поощрения земледелия». В 1260-х гг. север еще лежал в развалинах, очень многие земли были заняты кочевниками под пастбища. Марко Поло писал, что и в его время на много дней пути от Пекина простирались лишь пастбища и леса²⁹⁰. Хубилай регулярно издавал указы о передаче пастбищ крестьянам для распашки, обязывал местные власти предоставлять нуждающимся семена и волов. Восстанавливались ирригационные системы, лишь на строительстве канала Тунхуйэ в 1293–1294 гг. было занято 2,8 млн крестьян. Однако положение крестьян на севере оставалось тяжелым; здесь располагались уделы знати, и крестьяне находились на положении рабов. Крестьяне-рабы использовали любую возможность, чтобы бежать от своих хозяев на юг; в 1283 г. бежало 150 тыс. семейств, в 1285 г. — еще больше. В 1290 г. на севере было зарегистрировано лишь 1,4 млн дворов налогоплательщиков и около одного миллиона проживало в уделах, однако эти цифры не дают представления о действительном положении дел; знать и помещики скрывали от переписей своих крестьян²⁹¹.

²⁸⁸ История стран зарубежной Азии... С. 217.

²⁸⁹ История Востока. Т. 2. С. 392.

²⁹⁰ Цит. по: Боровкова Л.А. Указ. соч. С. 6.

²⁹¹ Боровкова Л.А. Указ. соч. С. 9, 18, 27, 28; Думан Л.И. Некоторые проблемы социально-экономической политики монгольских ханов в Китае в XIII–XIV

Осенью 1274 г. Хубилай начал «великий поход» на юг; как и в предыдущем походе, солдатам запрещалось грабить и убивать мирных жителей. «Ныне хочу сохранить вновь присоединенные города и селения Южных Сунов, чтобы народ спокойно занимался своими делами и земледелием», — говорил Хубилай²⁹². Многие города сдавались без боя, наместники провинций переходили на сторону Юань, через полтора года империя Сун прекратила существование²⁹³.

Завоевание Южного Китая не сопровождалось такими страшными разрушениями, как завоевание севера. По переписи 1223 г. на юге насчитывалось 12,7 млн дворов, около 1280 г. — 9,3 млн, а по переписи 1290 г. — 11,8 млн²⁹⁴.

В источниках упоминается еще одна цифра численности населения — 5,7 млн дворов около 1264 г.²⁹⁵. Если принять ее на веру, то придется сделать вывод о том, что монгольские вторжения в середине XIII в. привели к демографической катастрофе. Однако невозможно предположить, что в 1265–1280 гг., в период интенсивных военных действий, численность населения возросла в 1,6 раза. Цифра 9,3 млн также вызывает сомнение, так как в этом случае пришлось бы допустить неслыханно быстрый рост населения (8% в год) в 1280–1290 гг. По-видимому, обе эти цифры являются результатом недоучета населения в смутный период истории юга.

Марко Поло, путешествовавший по Южному Китаю через 10 лет после его завоевания, восхищался богатством и многолюдностью «страны Манги». Ханчжоу — самый большой город на свете, рассказывал Марко Поло, там 12 ремесел и для каждого ремесла 12 тыс. мастерских, в каждой мастерской по меньшей мере 10 человек, а в иных 30 или 40. «Подивитесь, если я вам скажу вот что: в области Манги более 1200 городов... Кто не видел, а только слышал о делах и богатстве области Манги, тот и не поверит всему... Величие этой области еле-еле опишешь...»²⁹⁶. Поскольку южные по-

веках // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1973. С. 337; Lee Mabel Ping-hua. *Op. cit.* P. 334–335.

²⁹² Цит. по: Боровкова Л. А. Указ. соч. С. 6.

²⁹³ Свистунова Н. П. Указ. соч. С. 284–286.

²⁹⁴ Крюков М. В., Малявин В. В., Сафронов Н. В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М., 1984. С. 54; Боровкова Л. А. Указ. соч. С. 46. Прим. 4; Очерки... С. 368.

²⁹⁵ Lee Mabel Ping-hua. *Op. cit.* P. 436.

²⁹⁶ Поло Марко. Книга Марко Поло. М., 1956. С. 160–161.

мешки перешли на сторону монголов, то Хубилай сохранил в неприкосновенности их земли и богатства; налоги были даже уменьшены, поземельный налог составлял 1 доу с 1 му. Юг был страной помещичьего землевладения; до завоевания более трети крестьян юга не имели земли и арендовали ее у помещиков. После завоевания положение не изменилось: чиновники отмечали в докладах, что в то время как на севере крестьяне имеют свою землю, на юге они работают на помещиков²⁹⁷. Арендная плата составляла половину урожая и на заливных землях достигала 30 доу с 1 му²⁹⁸.

После завоевания Южного Китая монгольские войска были размещены гарнизонами в городах. Был установлен режим жестокого полицейского контроля; китайское население было объединено в 20- и 50-дворки, связанные круговой порукой; главами таких общин назначали монгольских воинов. Китайцам запрещалось держать лошадей, ходить ночью по улицам, категорически запрещалось хранить оружие — конфискации подлежали даже плети и батоги с железными наконечниками. Любой монгол мог безнаказанно избить китайца; китайцу, поднявшему руку на монгола, грозила смерть²⁹⁹.

Несмотря на кажущуюся мощь полицейского режима, империя Юань не смогла создать эффективного аппарата управления, подобного тому, которым обладали Цзинь и Сун. По-видимому, это связано с тем обстоятельством, что монгольская знать сохраняла свою силу и все высшие должности занимали не сведущие в делах управления монголы. Под эффективным контролем правительства, по существу, находились лишь области вокруг столицы; в провинциях местные власти зачастую позволяли себе игнорировать указания центра³⁰⁰. Чиновники на местах брали взятки и укрывали налогоплательщиков; в отдельных случаях от обложения скрывали сотни тысяч крестьян и миллионы му земли — в целом это приводило к непоступлению доходов³⁰¹. По официальным данным, в 1290 г. числилось 13,4 млн податных дворов с населением 59,8 млн³⁰²; при этом на севере учета населения фактически не

²⁹⁷ Цит. по: Lee Mabel Ping-hua. *Op. cit.* P. 337.

²⁹⁸ Боровкова Л. А. Указ. соч. С. 27, 30, 31; Eberhard W. A. *History of China*. Berkley and Los Angeles, 1969. P. 235.

²⁹⁹ У Хань. *Жизнеописание Чжу Юаньчжана*. М., 1980. С. 36–37; *Очерки...* С. 366.

³⁰⁰ *История Китая*. М., 1998. С. 236.

³⁰¹ Боровкова Л. А. Указ. соч. С. 29.

³⁰² Lee Mabel Ping-hua. *Op. cit.* P. 436.

существовало. Огромная империя Юань получала в качестве поземельного налога лишь 12 млн даней зерна — в четыре раза меньше, чем империя Цзинь³⁰³. Правительство находилось в постоянном финансовом кризисе и восполняло дефицит печатанием бумажных денег; за 1260–1296 гг. количество денег в обращении возросло в 12 раз. Положение осложняли постоянные дворцовые смуты; после смерти Чэн-цзуна (1294–1307 гг.) императоры возводились на престол соперничающими группировками знати, и, чтобы отблагодарить своих сторонников, раздавали им все, что имели. Вступив на престол, император У-цзун (1307–1311 гг.) раздарил 3,5 млн динов — сумму, примерно равную годовому доходу казны. К концу правления этого императора расходы в семь раз превышали доходы, и бумажные деньги, которыми восполняли нехватку, полностью обесценились³⁰⁴. Император Жень-цзун (1312–1320 гг.) попытался навести порядок и предпринял серию реформ. Было начато составление земельного кадастра, у владельцев уделов отняли право самостоятельного сбора налогов — налоги стали собирать государственные чиновники. Реформы вызвали недовольство монгольской знати и китайских помещиков, помещики подбивали крестьян на выступления против обмера земель; в нескольких районах вспыхнули восстания, и императору пришлось прекратить проведение реформ. Единственным результатом деятельности Жень-цзуна было введение экзаменационной системы для отбора низших чиновников, причем монголы экзаменовались по более легкой программе, чем китайцы³⁰⁵.

В докладах министров начала XIV в. постоянно звучит обеспокоенность положением на юге. «Богатые дома утаили и владеют имперскими крестьянами и рабами. Многие из них имеют сотни и тысячи дворов зависимых крестьян, а некоторые — до 10 тыс. Их могущество можно понять», — говорится в докладе 1309 г.³⁰⁶. В докладе 1320 г. указывалось, что население юга не платит никаких налогов, кроме поземельного и торгового, что помещики юга очень богаты³⁰⁷. Богатство помещиков было следствием разорения крестьянства, а разорение крестьянства — следствием нарастающе-

³⁰³ Там же. С. 6.

³⁰⁴ Там же. С. 12; У Хань. Указ. соч. С. 40; Eberhard W.A. *Op. cit.* P. 237; История стран зарубежной Азии... С. 253.

³⁰⁵ История Китая... С. 237; Боровкова Л. А. Указ. соч. С. 11, 18–19.

³⁰⁶ Цит. по: Боровкова Л. А. Указ. соч. С. 16.

³⁰⁷ Там же. С. 19.

го малоземелья. В 1330-х гг. арендная плата достигала 60% урожая, и зачастую даже на этих условиях крестьянин не мог арендовать клочок земли³⁰⁸. Бедствующим крестьянам приходилось брать в долг под заклад детей и жен; в некоторых местностях они продавали помещикам сыновей в услужение, а дочерей — в наложницы, составляя купчие, как при торговле скотом³⁰⁹.

Разорение крестьянства вызывало обеспокоенность властей. «Я слышал, что богатые дома... захватывают земли, а бедняки разбредаются по свету и бродяжничают толпами», — говорил император Чэн-цзун³¹⁰. Хубилай и Чэн-цзун неоднократно требовали у помещиков понизить арендную плату на 20–30%, однако на местах игнорировали эти требования. Между тем аграрный кризис нарастал, в правление Тай-цзуна (1324–1327 гг.) цена одного даня риса достигала 20 связок монет — 10–20 серебряных лянов. 1329 г. неурожай привел к большому голоду, по официальным данным голодало 7 млн человек, были многочисленные случаи людоедства³¹¹. «В провинции Шэнси голод был непрерывным и умершие голодной смертью в беспорядке лежали на дорогах», — говорит «История Юань»³¹².

Возможно, как утверждают А. В. Коротаев, Н. Л. Комарова и Д. А. Халтурина, существенным обстоятельством, приблизившим кризис, было похолодание первой половины XIV в., которое могло привести к сокращению урожайности³¹³. Неурожайи были зафиксированы почти для каждого года правления Тогон-Тэмюра (1333–1368 гг.)³¹⁴. Правительство принимало определенные меры, крестьяне голодающих областей освобождались от половины налогов, была налажена работа «амбаров регулярного выравнивания цен». Однако эти меры были недостаточны, то здесь, то там происходили крестьянские восстания, голод 1337 г. вызвал восстания в четырех провинциях³¹⁵. Нарастающий кризис привел к активизации религиозных сект, призывавших народ к борьбе против

³⁰⁸ Там же. С. 42, 77.

³⁰⁹ У Хань. Указ. соч. С. 30–31.

³¹⁰ Цит. по: Боровкова Л. А. Указ. соч. С. 16; Lee Mabel Ping-hua. *Op. cit.* P. 340.

³¹¹ Eberhard W. A. *Op. cit.* P. 238; Очерки... С. 380; Боровкова Л. А. Указ. соч. С. 31; Lee Mabel Ping-hua. *Op. cit.* P. 340, 341, 346.

³¹² Цит. по: Lee Mabel Ping-hua. *Op. cit.* P. 346.

³¹³ Коротаев А. В. Комарова Н. Л., Халтурина Д. А. Законы истории: вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны. М., 2006. С. 79.

³¹⁴ The Cambridge History of China. Vol. 6. Cambridge, 1994. P. 585–586.

³¹⁵ Боровкова Л. А. Указ. соч. С. 36; У Хань. Указ. соч. С. 32.

угнетателей; секта Минцзяо проповедовала скорое пришествие восстановителя справедливости, Князя Света, «Мин-вана»³¹⁶.

В ходе подавления восстаний выявилась низкая боеспособность правительственных войск. После завоевания Китая для обеспечения монгольских отрядов было выделено примерно 20 млн му земли и 450 тыс. крестьянских семей. Эти крестьяне были поделены между воинами и жили в военных поселениях на положении рабов³¹⁷. Поскольку численность монголов росла, то это обеспечение вскоре оказалось недостаточным; воины обеднели и зачастую не могли снарядиться в поход. «Они сами добывают средства на снаряжение... и при каждом отправлении непременно распродают земли, имущество, и даже продают жен и детей», — докладывал чиновник о положении гарнизонов в Шаньдуне³¹⁸. Сохранилось множество сообщений об отправке властями зерна для голодающих гарнизонов³¹⁹. С другой стороны, в условиях мира, не подвергаясь естественному отбору в жестоких войнах, когда-то непобедимые монголы растеряли свои боевые качества. В особенности это касалось командиров, проводивших время в пирах. «О военном деле и не вспоминали, — свидетельствует современник. — Летящие кубки пришли на смену ядрам, хозяйничанье на пирах — на смену командования войсками, ряды мясных блюд сменили войсковые построения, застольные песни звучали вместо военных гимнов... Могла ли такая армия быть когтями и зубами государства, когда Поднебесная взбунтовалась?»³²⁰.

1344 г. стал роковым для империи Юань. Хуанхэ прорвала давно не ремонтировавшиеся дамбы, затопила три округа и, повернув на север, нашла себе новую дорогу к морю. Бедствие охватило всю северо-восточную часть страны, голодало 10 млн человек. «Амбары регулярного выравнивания цен» быстро опустели, вслед за голодом пришел мор, на севере Хэнани погибла половина населения. Правительство не смогло мобилизовать народ для восстановления дамб, и неуправляемая река год за годом затопливала обширные области от Кайфына до моря. Шаньдун и Хэнань были охвачены восстаниями; повсюду царил анархия³²¹. С большим опо-

³¹⁶ Там же. С. 26.

³¹⁷ Eberhard W. A. Op. cit. P. 236; Очерки... С. 369, 371.

³¹⁸ Цит. по: Мункуев Н. Ц. Новые материалы о положении монгольских аратов в XIII—XIV вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1973. С. 394.

³¹⁹ Там же. С. 386–402.

³²⁰ Цит. по: Боровкова Л. А. Указ. соч. С. 68.

³²¹ Боровкова Л. А. Указ. соч. С. 39, 41; У Хань. Указ. соч. С. 33.

зданием в 1351 г. власти решили начать восстановительные работы и мобилизовали полтора миллиона крестьян³²². Однако продовольствие было расхищено чиновниками, работники голодали, в мае 1351 г. глава секты «Минцзяо» Хань Шаньтун поднял народ на восстание, началась крестьянская война³²³.

Восстание быстро перебросилось на юг, в долину Янцзы. Сотни тысяч повстанцев с красными повязками на головах громили сельские управы и усадьбы помещиков, захватывали амбары и делили зерно. Восстание с самого начала было направлено не столько против монголов, сколько против китайских помещиков. «Население деревень объединилось для мятежа, — свидетельствует современник, — убивали и грабили “большие дома” с жестокостью неслыханной»³²⁴. Помещики, в свою очередь, нанимали солдат и создавали отряды самообороны. Началась кровопролитная война, которая продолжалась 18 лет; в разных районах страны повстанческие вожди провозглашали себя «гунами» и «ванами» и пытались наладить управление. Командующий повстанцами в низовьях Янцзы Чжу Юаньчжан приблизил к себе ученых конфуцианцев и, следуя советам шэньши Лю Цзи, ввел систему военных поселений: поселенцы пахали землю и по очереди несли службу³²⁵.

В этой долгой войне проявились некоторые военные инновации, способствовавшие в конечном счете поражению монголов. Тактика повстанческих армий была основана на заимствовании мощного монгольского лука, но лучники были пешими, а не конными, как у кочевников. От атак конницы пехотинцы защищались, используя подвижные укрепления из повозок наподобие позднейших европейских вагенбургов³²⁶. Кроме того, стало широко использоваться примитивное огнестрельное оружие: стволы с порохом, «огненные копья» и ручницы. К этому времени китайские мастера научились отливать и настоящие пушки: первое известное китайское бронзовое орудие датируется 1351 г.³²⁷. Однако более существенным для победы повстанцев были не эти новшества,

³²² Там же. С. 45. По другим данным, 150 тыс. См. Боровкова Л. А. Указ. соч. С. 45.

³²³ Боровкова Л. А. Указ. соч. С. 45–46.

³²⁴ Цит. по: Боровкова Л. А. Указ. соч. С. 63.

³²⁵ У Хань. Указ. соч. С. 165.

³²⁶ Лю Цзи. Сто примеров воинского искусства // Китайская военная стратегия. М., 2001. С. 369.

³²⁷ Еремеев В. В. Традиционная наука Китая // <http://www.iprofit.ru/books/18875.html>

а отсутствие единства среди их противников-монголов; в 1360-х гг. империя Юань раскололась на части, и монгольские армии сражались не столько с повстанцами, сколько между собой. В конце концов Чжу Юаньчжану удалось объединить силы «красных войск» и двинуть их в поход на Пекин. 14 сентября 1368 г. «Армия Северного похода» вступила в столицу, эпоха монгольского владычества в Китае подошла к концу.

18-летняя война, голод и эпидемии принесли с собой демографическую катастрофу. Шаньдун, Хэбэй и Хэнань были похожи на необитаемые земли, где «поросли бльем дороги, не встретишь и следа человека»³²⁸. По оценке В. Эберхарда, площадь пахотных земель в эпоху Юань составляла 6 млн цинов³²⁹, к 1368 г. она сократилась до 1,8 млн цинов³³⁰, это заставляет предположить, что население сократилось в два-три раза.

* * *

Переходя к анализу истории Китая в эпоху Юань, необходимо отметить, что этот период дает еще один образец цикла Ибн Халдуна, совпадающего с демографическим циклом. Цикл начинается с завоевания Северного Китая монголами, затем следует *социальный синтез*, в процессе которого завоеватели перенимают государственные традиции покоренного населения — и прежде всего самодержавие. Однако кочевая знать пытается отстаивать свои традиции, *традиционалистская реакция* приводит к войне — и даже к отпадению Западной Монголии. Прокитайская партия Хубилая одерживает победу, но не решается открыто следовать традициям китайского самодержавия и привлекать китайских чиновников на высшие должности. В результате монгольская знать сохраняет свою силу и после смерти Хубилая снова вступает в борьбу за власть, эта внутренняя борьба обуславливает слабость империи Юань.

Завоевание Южного Китая приводит к тому, что в состав империи включается огромный регион, уже давно находящийся в состоянии *Сжатия*. Мы наблюдаем на юге такие признаки Сжатия как крестьянское малоземелье, разорение крестьян, рост помещичьего землевладения, рост ростовщичества, распространение

³²⁸ Цит. по: Очерки... С. 403.

³²⁹ Eberhard W. A. Op. cit. P. 236.

³³⁰ У Хань. Указ. соч. С. 191.

долгового рабства, уход разоренных крестьян в города, рост городов, бурное развитие ремесел и торговли. Монгольское завоевание Южного Китая не привело к существенным переменам в социальных отношениях, хотя власти пытались провести некоторые реформы для облегчения положения народа (понизить арендную плату). Монгольская власть оказалась слишком слабой, она не смогла даже провести земельный кадастр; по существу, империя Юань стала заложницей китайских помещиков. С другой стороны, в согласии с теорией Ибн Халдуна, завоеватели-монголы постепенно теряли свои боевые качества, империя слабела, феодальные клики соперничали за власть (трансформация C^cA_c). Сжатие постепенно нарастало, с 1320-х гг. появляются частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях, о голодных бунтах и восстаниях, о расколе в среде монгольской элиты, о распространении диссидентских течений. В 1344 г. произошла экологическая катастрофа на Хуанхэ; слабость империи привела к тому, что она не смогла создать значительные хлебные резервы и не сумела мобилизовать крестьян на восстановление дамб — в итоге империя Юань разделила судьбу империй Суй и Старшая Хань. Начался жестокий *эко-социальный кризис*: голод, эпидемии, восстания и гражданские войны, демографическая катастрофа, разрушение или запустение многих городов, гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности, — и в конечном счете социальная революция. В итоге для Северного Китая мы имеем трансформацию C^cA_cB , а для Южного Китая, где продолжался сунский цикл, — трансформацию $A_bA_c^cB$.

* * *

Подводя итоги «эпохе монгольского лука», необходимо отметить, что монгольские завоевания имели чрезвычайно важное значение в плане взаимовлияния различных культур и обществ. Власть монголов распространилась на огромные пространства Евразии, сломав границы и перемешав традиции многих государств и народов. После реформ Елюй Чу-цая государственное устройство Монгольской империи приобрело многие китайские черты, и завоеывая очередную страну, монголы вводили там не только монгольские, но и китайские порядки. Речь идет прежде всего о *китайской этатистской монархии*, о ее бюрократической организации, о принципе разделения военной и финансовой властей (наместники и даругачибаскаки), о переписях и кадастрах, о системе налогов и пошлин

(в частности, о «тамге»), о коллективной ответственности десятков и сотен, о ямской службе, о деньгах с принудительным курсом, о государственных закупках, о торговых и ремесленных государственных монополиях, о больших государственных мастерских, карханэ. Опосредованное монголами, китайское этатистское влияние имело большое значение для формирования государственного устройства Ирана, Индии, Османской империи, России и некоторых других стран Евразии.

После монгольских завоеваний «центром силы» на Ближнем Востоке стало государство Хулагуидов в Иране, и могущество этой империи заставило соседние страны, Делийский султанат и мамлюкский Египет, отчасти трансформироваться по ирано-монгольскому образцу. Необходимо отметить, что индуцированный этатизм имел военный характер, он подразумевал очень высокие (такие же, как в Иране) налоги, но вместе с тем суровую военную дисциплину и скромное обеспечение воинов, которые лишились привилегированного положения и не могли эксплуатировать крестьян.

В соответствии с диффузионистской теорией в государстве Хулагуидов происходили процессы *социального синтеза*, завоеватели перенимали мусульманские государственные традиции, а также и тюркскую систему икты. В итоге после реформ Рашид ад-дина сформировался своеобразный комплекс из мусульманских и китайских этатистских элементов в сочетании с контролируруемыми иктами. Эта модель государственного устройства позднее легла в основу Османской империи, но в Иране она оказалась нестабильной: распространение икты и традиционалистская реакция кочевников привели к распаду державы Хулагуидов. Вслед за этим последовало разложение монархии в тех государствах, которые копировали ирано-монгольскую империю: в Делийском султанате и в Египте. В обеих странах против монархии сначала выступила военная элита, вновь, как во времена сельджукского феодализма, потребовавшая перераспределения ресурсов в свою пользу. Но затем в ход событий вмешался демографический фактор — середина XIV в. стала временем демографической катастрофы во всех странах Евразии. Эту катастрофу обычно связывают с эпидемией «Черной смерти», но надо учитывать, что эпидемии поражают в первую очередь страны, находящиеся в фазе Сжатия. Таким образом, мы можем констатировать, что катастрофа имела наибольшие масштабы в Египте, в Северной Индии и в Китае, но намного меньшие в Иране и в Малой Азии. В Китае эпидемия была частью грандиозного кризиса, главную роль в котором играла освободительная война, закон-

чившаяся изгнанием монголов и созданием новой империи Мин. В Египте и в Делийском султанате кризис имел элитный характер, и он привел к восстановлению основанного на системе икты феодализма.

Таким образом, после падения индуцированных монгольским нашествием этактистских монархий на Ближнем Востоке начался второй период феодализма. Для этого периода были характерны господство системы икты, бедственное положение закрепощенных крестьян, политическая нестабильность, междоусобные войны военных группировок и в отдельные периоды — феодальная раздробленность. С точки зрения демографически-структурной теории это был интерцикл, продолжавшийся необычайно долго: с середины XIV до начала XVI вв. Все это время продолжались чумные эпидемии, и некоторые исследователи полагают, что именно они были причиной нестабильности и разрухи. Мы считаем, однако, что причинно-следственная связь была обратной, что именно нестабильность порождала разруху и эпидемии: в это самое время в Китае в условиях стабильности не было значительных эпидемий, и отмечался рост населения в соответствии с обычными закономерностями демографического цикла. В условиях стабильности росло население и в Южной Индии, а после 1420 г. также и в Османской империи.

Зона стагнации, таким образом, совпадала с зоной политической нестабильности, вызванной междоусобицами военной элиты. Если же мы попытаемся проанализировать причины этой нестабильности, то увидим, что военную элиту в Иране и Северной Индии в это время составляли кочевые племена, которые принесли в новые области расселения обычаи Великой степи, в том числе и постоянные межплеменные войны. Тюркские кочевые племена обосновались в Азербайджане и в Восточной Анатолии, создав здесь внутренний кочевой очаг, островок Великой степи посреди области древних земледельческих цивилизаций; отсюда они господствовали над Ираком, Ираном и Сирией. Кочевники составляли не менее третьей части населения Ирана³³¹, поэтому понятно, что Ближний Восток в этот период развивался по законам кочевых обществ, принципиально отличным от законов демографических циклов.

Таким образом, второй период феодализма в Иране и Северной Индии были временем господства кочевников. В Египте роль кочевых племен играли мамлюкские кланы, которые состояли их тюрок

³³¹ Пигулевская Н. В. и др. Указ. соч. С. 282.

и черкесов и подражали поведению настоящих кочевников, — кочевые обычаи распространялись путем диффузии так же, как обычаи земледельцев. Но политические традиции земледельцев все же выжили и время от времени проявлялись в новых процессах *социального синтеза* в правление Шахрука и Джеханшаха. Наиболее ярко этот процесс был представлен в деятельности создателя Османской империи, везира Чандарлы Хайр уд-дина, который сумел обуздать кочевую вольницу и организовать новое государство в соответствии с заветами Рашид ад-дина. Эта организация позволила османам первым взять на вооружение огнестрельное оружие и в конце концов обеспечила их победу над тюрками Ирана и мамлюками Египта.